

Фудель Сергей Иосифович

**Записки о Литургии и Церкви
Сергей Иосифович Фудель**

Предисловие

Глава 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18

Предисловие

Сергей Иосифович Фудель родился в Москве 13 января 1900 года (31 декабря 1899 года по старому стилю). Отец его священник Иосиф Фудель через всю свою жизнь пронес горение истинно христианской души и сумел передать его своим детям. С детства и до самой смерти Сергей Иосифович был в Церкви, и его жизнь принадлежит ей.

Почти полная потеря связи с прежней Россией во всех сферах жизни – это роковая черта сегодняшней русской действительности. И самым трагичным, конечно, является разрыв духовной преемственности. Уже и в Русской Церкви заметно исчезает ощущение непосредственной связи с ее недавним еще прошлым. Ни мучеников, ни их подвига большая часть сегодняшних христиан не понимает, так как не знает их духа и не способна по-настоящему оценить его. Знаменательно, что этого никто почти не замечает ни в России, ни на Западе.

Сергей Иосифович Фудель не писал церковную историю XX века, но был участником ее событий. Судьбы Церкви стали его жизнью. Революция, страшные, но исполненные подвигом годы церковного правления святого Патриарха Тихона, трагическая церковная смута, катакомбная церковная жизнь – все эти пути были пройдены им. Он трижды сидел в тюрьмах, отбывал ссылки вместе со многими крупнейшими церковными деятелями, со многими мучениками. Он впитывал дух тихой, гонимой русской святости, на протяжении всей своей жизни, подобно пчеле, собирая ее крупички на быстро оскудевавших церковных полях. И этим подлинным духом наполнены его сочинения, что делает их столь драгоценными сегодня. Все, что писал Сергей Иосифович, проходило горнило его собственного духовного опыта, несет в себе свидетельство о духе времени и о Церкви. Его сочинения не открывают, вероятно, столь много новых страниц в богословской науке, как у богословов на Западе (в частности, русских), они, наверное, не блещут той ученой эрудицией, но, читая «Записки о литургии и Церкви», написанные Сергеем Иосифовичем, легко почувствовать, как служили литургию в тюрьмах новые русские священномученики, можно приобщиться и научиться их трепету и умилению, их страданию и торжеству их святости. Кажется, что святоотеческие толкования литургии, положенные в основу работы Сергея Иосифовича, написаны не сотни, не тысячу лет назад, а теперь, нашими современниками, каждое это слово скрепившими своей кровью.

И думается, что время все же не разделило нас со святыми древности, не разорвало единый церковный опыт. Может быть, это и есть наиболее необходимое в наши дни объяснение литургии.

Последнюю часть своей жизни С. И. Фудель прожил в городе Покрове Владимирской области. Стокилометровый рубеж сохранял свою силу для него до конца, и он так и не смог вернуться в Москву или хотя бы приблизиться к ней.

Эта последняя часть его жизни была, как и вся жизнь, суровой и трудной. Постоянная нужда и болезни, постепенно наступавшая слепота от глаукомы, оторванность от детей и близких сочетались с отсутствием продуктов, необходимостью топить печку, носить воду из колонки – словом, обычный провинциальный русский быт. «Трудно без дружеского общения. Мы здесь как в пустыне», «Я все один и читать даже не могу, так как в глазах часто туман», «Время ведь ужасно одинокое», – писал он в письмах.

Недалеко от дома Сергея Иосифовича стоит старинная церковь, в то время одна только действовавшая на всю округу. Сергей Иосифович постоянно читал в ней в качестве псаломщика и постоянно писал. Именно в этот период, начавшийся с 1956 года, он написал все свои работы. По ходу дела он должен был совершать очень утомительные поездки в Москву. Иногда (чаще летом) ему удавалось некоторое время пожить в Москве, поработать в библиотеке, навестить кого-нибудь из оставшихся от прежнего великого множества знакомых и друзей.

Он часто возвращался к написанному, вносил исправления и дополнения, даты в большинстве случаев не ставил. Сергей Иосифович долго и тяжело болел и скончался в Покрове, в своем намоленном доме 7 марта 1977 года. В Покрове он и похоронен. Дай Бог, чтобы его духовный опыт и труд помогли бы открыть для себя литургию новому поколению русских людей.

Протоиерей Владимир Воробьев

Глава 1

«Мы ходим верою, а не видением». Ап. Павел (2Кор. 5:7)

«Странствия Владычня и бессмертныя трапезы на горнем месте, высокими умы, вернии приидите насладимся, возшедша Слова, от Слова научившеса, Егоже величаем».

Канон Великого Четверга

Христианство обрело свою постоянную духовную форму на Тайной Вечери¹, и можно сказать, что христианство – это Тайная Вечеря. Все христианство – в этом окружении учениками своего Учителя за бессмертной трапезой Таинства: «Хлеб небесный и чашу жизни вкусите и видите, яко благ Господь». Он – в центре, предающий Себя на распятие и уже предворяющий это распятие в том, что именно тут, за этим столом Вечери, Он отдает Свое Тело и Кровь на непостижимое, сверхъестественное питание верующих: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое». Узкий путь, на который повел за Собою Христос человечество после этой ночи, так явно превышает естественные склонности греховного человечества, что начало пути необходимо открылось сверхъестественным укреплением.

Но оно же стоит и как цель и завершение: «да ядите и пиете за трапезою Моею в Царстве Моем» (Лк. 22:30). Приобщение к Божественному миру, вхождение через преодоление естества в свою, человеческую, но уже преображенную и обожествленную Вечную жизнь, есть путь и цель христианства. И реальность этого вхождения еще здесь, на земле, в иной, уже не только земной мир, действительность второго рождения человека всегда пугала людей.

«Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем... Многие из учеников Его, слыша то, говорили: какие странные слова! кто может это слушать?.. С этого времени многие из учеников Его отошли от Него... Тогда Иисус сказал двенадцати: не хотите ли и вы отойти?» (Ин. 6:56, 60, 66, 67)

Тут испытание веры и любви, а не только веры, и испытание не только апостолов, но и всех нас. «Симон Петр отвечал Ему: Господи! к кому нам идти?» Это поразительно, что он так именно начал свой ответ и что это именно так для нас записано. Он мог бы сказать что-нибудь совсем благополучное, например: «Мы не так, как те, маловерные, мы все понимаем». Он как бы так начал свой ответ: «Да, конечно, и в нас есть сомнение, но, Господи! В нашей любви к Тебе сомнения нет». [Затем]

Петр сказал: «Ты имеешь глаголы вечной жизни» (Ин. 6:68). Может быть, именно от этого евангельского места возникло у Достоевского его исповедание веры, такое, по существу, богословски неграмотное и такое всеильное для многих людей: «Если бы кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной».

«Господи! к кому нам идти?» Любовь к личности Христа – вот та огненная печь, в которой сгорают все сомнения, в которой очищается золото веры. За Христом можно идти только с любящей верой, и тогда эта вера перестает бояться того, что сверх нашего естества, того, что ему еще непостижимо, перестает бояться невидимого мира, зная, что в этом невидимом мире живет в Своем человеческом теле – сейчас, теперь, в нашу страшную эпоху, – Господь Иисус. Только через это обретение Его в этой невидимости мы начинаем понимать, что жизнь веры – это тайна, которую надо принять через любовь. Эйнштейн сказал: «Самая прекрасная и глубокая эмоция, какую мы можем испытывать, – это ощущение тайны. В ней источник всякого подлинного знания. Кому эта эмоция чужда, тот утратил способность удивляться и замирать в священном трепете, того можно считать мертвецом». А мы знаем, что многие из нас пугаются мистики христианства. Мистика христианства есть таинство созидания им (или в нем) нового человека и нового мира. Не знать этой таинственной жизни христианства – значит, обескровить или обессилить себя, сделать себя слабым перед лицом грядущих опасностей или великих испытаний. И вся человеческая история, а особенно ее конец, по евангельскому учению, неблагополучны, и великая ошибка – приучать свою мысль к противоположному, создавать теократические иллюзии, теплить себя, как в старинных английских романах, победой добродетели в истории. Божественная жизнь на земле торжествует свою победу уже начиная с Пятидесятницы, но эта победа сокровенна, ее раскрытие – за пределами истории. И вот для соучастия в этой победе надо в пределах истории создавать мужественных воинов. Христианство есть борьба тем более страшная, что она, по слову апостола, «не против плоти и крови» (Еф. 6:12), т. е. не против людей и правительств, но против невидимых, темных мистических сил. Христианин должен еще здесь, на земле, именно еще здесь, на земле, входить в невидимый мир Божественной жизни, так как иначе он будет бессилен против мира невидимого зла. Он должен познать не только всю широту, но и всю глубину христианства, так как только это даст ему "всеоружие света" (Еф. 6:11) против всеоружия тьмы. Больше всего в мистику христианства, в его Тайную Вечерю, вводит литургия,

причастие Тайнам. «Нельзя, – пишет св. Киприан Карфагенский, епископ и мученик III века, – оставить без защиты и оружия тех, кого мы... увещеваем к сражению; их нужно оградить покровом Тела и Крови Христовой... нужно вооружить [их] забралом божественного насыщения»². Нам не заповедано искать чудес. Скорее наоборот: «род лукавый и прелюбодейный знамения ищет» (Мф. 12:39). Эта тяга к чудесам [осуждается] в духовной литературе и жизни. Нам заповедано искание не чудес, но Чуда, величайшего чуда человеческого бытия: вкушения жизни от Божественного Тела. И это Чудо совершается на литургии.

Глава 2

Литургия стоит в центре христианства, а в центре литургии – «Агнец, закланный от создания мира» (Откр. 13:8), или, как в другом месте сказано, «предназначенный еще прежде создания мира» (1Пет. 1:20). Конечно, эти слова непостижимы, но пройти мимо них мы не можем. Тайна христианства начинается с вопроса о его начале. «Он [Бог] столько познается нами, – пишет преп. Симеон Новый Богослов, – сколько может кто увидеть безбрежного моря, стоя на краю его ночью с малою в руках зажженною свечою»³. Это даже для разума, уже просвещаемого благодатью. Но трудность постижения божественного мира не дает нам основания для отрицания того, чего мы не постигаем или не хотим постичь. «Если будем все измерять своим разумением, – пишет Василий Великий, – и предполагать, что непостижимое для рассудка вовсе не существует, то погибнет награда веры. За что же еще нам стать достойными блаженств, какие сообщаются для нас под условием веры в Невидимое, если верим тому только, что очевидно для рассудка?»⁴. Рассудочная вера – это вера не апостольская, а все та же кантовская «религия в границах одного только разума», для которой все понятно или же должно быть понятно и которая старается в наше время создать веру, приспособленную к неверию, христианство, в общем не возражающее против не-христианства.

Многие святые начиная с I века ощущали божественную предысторию христианства. «Сие имя спасительное – Иисус – прежде всех веков в Тройческом совете было предуготовано. Сила имени Иисусова в Совете Предвечном, как в сосуде, была сокрываема», – пишет св. Димитрий Ростовский⁵. «Прежде солнца пребывает имя Его», – возглашает церковнослужитель во время чтения Апостола на Благовещение⁶, т. е. именно в тот день, когда поется: «Совет превечный открывая, Тебе, Отроковице» (стихира на «Господи воззвах»), когда воспоминается принесение человеческого имени Иисуса с неба Ангелом пречистой Деве (Лк. 1:31).

Говоря об определении Церкви апостолом Павлом как о «великой благочестия тайне» (1Тим. 3:16), которая в том, что «Бог явился во плоти» (там же) и этой плотью – телом Божиим – сделалась Церковь, еп. Феофан Затворник пишет: «Сущность веры нашей сокровенна и по причине непостижимости ее действия в нас. Зародилась она («тайна благочестия») в тайне Триипостасного Бога прежде век»⁷. Только поняв Церковь как

сотворенную «прежде всего» (св. Ерма)⁸, как «премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей» (1Кор. 2:7), можно в нее действительно поверить. Поверить в нее нам дано не как в человеческую организацию, а только как в Богочеловеческое Существо, имеющее своим началом Божественную довременность.

Но Церковь прежде всего или больше всего – это литургия. Поэтому «литургия вечна. Агнец заклан в недрах Святой Троицы» (архимандрит Киприан)⁹.

Все священнодействие [литургии], – пишет митрополит Солунский Николай Кавасила (XIV век), – есть как бы один образ Единого Тела и Царства Спасителя (т. е. Церкви)... Церковь указывается Тайнами не как символами, но как сердцем указуются члены (тела), как корнем дерева – отрасли и, как сказал Господь, как виноградной лозой – ветви, ибо здесь не одинаковость только имени и не сходство подобия, но тождество дела, так как Тайны суть Тело и Кровь Христа»¹⁰. Он же пишет: «Если бы кто мог увидеть Церковь Христову в том самом виде, как она соединена со Христом и участвует в плоти Его, то увидел бы ее не чем иным, как только Телом Господним»¹¹. А литургию так определяет св. Игнатий Богоносец: «Евхаристия есть плоть Спасителя нашего Иисуса Христа, которая пострадала за наши грехи»¹². Церковь – в том, что «Бог явился во плоти», в страдающем человеческом теле, Церковь – это вочеловечение Бога. Бог, не оставляя Своего Божественного естества, вошел в мир, в естество человеческое. С этого началось христианство в истории, и вся его суть – в подражании ему, этому выхождению Бога, но лишь в обратном направлении: Бог сходит с неба на землю, делается человеком; человек в христианстве выходит навстречу своему Богу – из своего человеческого, «слишком человеческого» естества выходит в мир Божественный. «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом», – это обычная и постоянная формула святых.

Святые учат, что есть три состояния человека: естественное, противоестественное, или греховное, и сверхъестественное, или духовное¹³. Христианин прежде всего борется с грехом, который тянет его в бездну ниже его естества. Противоестествен для человека только грех. Говоря о сверхъестественном, Церковь утверждает, что сверхъестественное не противоестественно, а только превосходит или идет дальше естественного. И христианство – это не только борьба с противоестественностью греха, но и призыв к преодолению земной «естественности», к выходу «за естество», к «преестественному». По

«естеству» нам, в общем, хочется только есть, пить, спать и развлекаться. А христианство зовет к новому рождению во Святом Духе, к рождению не аллегорическому, а очень болезненному. «Женщина, когда рождает, терпит скорбь» (Ин. 16:21), – сказано в Евангелии. И в другом месте: «Она... кричала от болей и мук рождения» (Откр. 12:2). Только любовь к Богу дает силы и радость идти на них. Это есть рождение в таинственную для нас духовность, и это есть то самое, что так отпугивает людей. «Надо родиться свыше» (Ин. 3:3), – сказал Христос Никодиму, и Никодим ужаснулся этих слов. Праведник и законник, он сразу понял, что разговор идет не только о борьбе с грехом. И кто хоть в малейшей степени не совершает этого перехода в сверхъестество, тот еще не начал христианства. Но это внутреннее преодоление естества, – преодоление, на котором стоит весь христианский подвиг, т. е. вся обыденность христианской жизни, есть всего только «солнце в малой капле вод». Все христианство – в первоисточной сверхъестественности Боговоплощения. «Побеждаются естества уставы в Тебе, Дево чистая, девствует бо рождество и живот предобручает смерть», – поет Церковь на Успение Девы и Матери (песнь 9 канона).

«Побеждаются естества уставы» и в довременном начале Церкви. И, так же как нам непонятно вочеловечение Бога, нам «непонятна» и Церковь. «Плоть и кровь» не может дать знания и веры о Церкви, – пишет Д. Хилков, – совершенно подобно тому, как некогда «кровь и плоть» не могла дать знания того, что плотник из Назарета – «Сын Бога Живаго»¹⁴. Место Евангелия, где дано откровение о Церкви (см.: Мф. 16), мы мало замечаем. Оказывается, что все это откровение о Церкви было дано только тогда, когда как бы открылось, что человек может жить не только в своем естестве: «блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это (тайну Боговоплощения. – С. Ф.), но Отец Мой, Сущий на небесах; и я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16:17, 18).

«Побеждаются естества уставы» и в Евхаристии. «Приобщение ко Христу в Таинстве святой Евхаристии есть источник всякой духовной радости», – пишет священник Павел Флоренский. «Таинство – это божественный акт приобщения к высшей жизни»¹⁵. «Как при земной жизни Христа приобщение к высшей жизни совершалось при посредстве человеческого естества Спасителя, так точно ныне видимое приобщение к этой жизни совершается при посредстве видимого и осязаемого человеческого естества Тела Христова»¹⁶.

И если Церковь непостижимо для нас предопределена в Совете

Божем еще тогда, когда не было мира, то тем самым и средоточие ее – литургия. «Совершение животворящих Тайн, – пишет протоиерей Иоанн Кронштадтский, – есть... соизволение Животворящей Троицы, от сложения мира предопределенное»¹⁷. Вот почему мы ощущаем так ясно блаженную и любящую вечность, теплую, как материнское лоно, больше всего на литургии. Вот почему на литургии мы дышим воздухом совсем иного мира.

"Тварь, – по слову Апостола, – еще стнает и мучается» (Рим. 8:22), но семя бессмертия уже укано в мир и верующие, стоящие на литургии, уже знают, что «поглощена смерть победою» (1Кор. 15:54).

Глава 3

Церковь – творение Божие, но такое, постижение которого не дано тварному уму, так как через боговоплощение она «вознесена превыше небес».

Святые часто указывают на ограниченность нашего знания небесного мира: «Имена некоторых сил (небесных) нам не объявлены еще и неизвестны» (св. Иоанн Златоуст)¹⁸.

Преподобный Симеон Новый Богослов тоже пишет о «еще неведомой нам твари»¹⁹. Есть тварь «ведомая» и «неведомая». Но и перед «ведомой», как будто перед Церковью, мы стоим как на пороге иного мира. Что значат слова Христовы о Его человечестве: «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия» (Откр. 3:14)? Почему именно Лаодикийской Церкви, т. е. последней в истории Церкви, погруженной, по Слову Божию, в тщеславную и теплохладную внешность, нужно это напоминание о человеческой плоти Бога, жертвенной и страдающей, изнемогающей и побеждающей и вознесенной превыше небес – той плоти, благодаря которой спасаемое в Церкви человечество сделалось Телом Божиим?

«Как во время сна Адамова создана была жена, – пишет Златоуст, – так и во время смерти Христовой образовалась Церковь из ребра Его... Как жених, оставив отца, приходит к невесте, так и Христос, оставив престол Отца, пришел к Невесте... Поэтому апостол и говорит: «Тайна сия велика есть: аз же глаголю во Христа и во церковь» (Еф. 5:32)²⁰. Бог «возвел ее (Церковь. – С. Ф.) на высоту великую, – пишет он уже в Беседах на Послание к Ефесянам, – и посадил ее на том же престоле, потому что где Глава (Христос. – С. Ф.), там и Тело (Церковь. – С. Ф.); нет никакого перерыва (здесь и в других случаях разрядка автора. – Ред.) между Главой и Телом. ...Чтобы ты, услышав слово «глава», не принял его в значении только власти, но в смысле собственном, не счел бы Его только начальником, но видел в Нем как бы телесную (действительную) главу, (апостол) прибавляет: (Церковь есть. – С. Ф.) «исполнение Исполняющего всяческая во всех»... Церковь есть исполнение (полнота, восполнение. – С. Ф.) Христа точно так же, как голову дополняет (восполняет. – С. Ф.) тело и тело дополняется головою»²¹.

«Выше всякой ангельской силы, – пишет блаженный Феофилакт, толкуя то же апостольское послание, – воссела прежде презренная человеческая природа. Церковь посадил [Бог] на том же самом престоле,

потому что где глава, там и Тело... И Церковь есть полнота его, ибо как тело есть полнота головы, восполняя ее, так и Церковь есть Полнота Христа, ибо Христос восполняется и как бы завершается всеми членами (Его Тела) в лице всех верующих»²².

«Для того Он смешал Самого Себя с нами и растворил тело Свое в нас, чтобы мы составили нечто единое, как тело, соединенное с головою. И это знак самой сильной любви» (Иоанн Златоуст)²³.

Сколько бы мы ни стояли на берегу моря познания этих тайн со своей свечой, единственное, что мы можем увидеть, – это невозможность хоть как-нибудь условно или методологически отделить Церковь от Христа. Всякое такое отделение есть рассечение богочеловечества Христа, т. е. посягательство на самую основу христианства. «Бог явился во плоти» (1Тим. 3:16). Божественное соединилось с человеческим, и это неизреченное соединение именуется Церковью. «Вы – тело Христово», – пишет апостол (1Кор. 12:27).

«Я есмь лоза, а вы ветви» (Ин. 15:5)²⁴, т. е. Церковь. «Потому-то, как свят Господь, так свята и Церковь, – пишет прот. Иоанн Кронштадтский, – ...потому что Церковь – одно и тоже с Господом, есть «тело Его, от плоти и от костей Его...» (Еф. 5:30). Церковь никогда не представляй отдельно от Господа Иисуса Христа, от Отца и Святого Духа... Велико и достоечно тело Церкви святой»²⁵.

Нераздельность Церкви и Христа открывается нам еще в одном образе. Это и буквально образ «Знамения» Богородицы: Христос изображен на нем в материнском чреве, в лоне Богоматери; Бог изображен не только во плоти, но и окруженным человеческой плотью Пречистой Девы.

На литургии это «знамение» совершается с каждым истинным причастником Тайн. «Бог Слово Отчее входит и в нас, – пишет преп. Симеон Новый Богослов, – как и во утробу Приснодевы: мы приемлем Его, и Он бывает в нас, как семя. Слыша о сем страшном Таинстве, ужасайся... Так зачинаем Его и мы, не телесно, как зачала Дева и Богородица Мария, но духовно... «Имамы же сокровище сие в скудельных сосудах» (2Кор. 4:7). Сокровищем называет он (апостол Павел. – Ред.) Сына Божия... Коего имеем в сердцах своих... Поелику невозможно Ему опять воплощаться и рождаться телесно в каждом из нас, то... Ту самую пренепорочную плоть, которую принял Он от пречистой Марии Богородицы... преподает нам в Таинстве, и, вкушая Ее, мы имеем внутри себя, разумеется каждый достойно причащающийся, всего воплощенного Бога... по слову Его же Самого: «Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает, и Аз в

нем» (Ин. 6:56). Вселяясь же в нас, Он... есть бестелесно в нас, и соединяется с существом нашим неизречно, и нас обоготворяет, так как мы соделываемся сотелесниками Ему, бывая плоть от плоти Его и от костей Его.

И сие то есть великий плод неизреченного домостроительства и снисхождения к нам Господа нашего!»²⁶.

Через причастие не только наша душа, но и тело наше начинает свою Вечную жизнь, свою Пасху нетления. «Принять Евхаристию – (значит. – С. Ф.), принять учение об обоженной плоти» (архим. Киприан)²⁷. Это есть свершение «малой церкви» отдельного человека, о которой пишет Макарий Великий, – малой клетки Вселенского Церковного Тела.

«Причащаясь Плоти и Крови Бога, и бываешь сотелесен Ему и сорастворен с кровию Его» (преп. Феогност)²⁸. «Приобщився Тела и Крови Христовы, сотелесным и сокровным Ему будешь. Тако бо и Христоносцы бываем, разделяющуся Телу и Крове Его» (св. Кирилл Иерусалимский)²⁹.

Как невозможно отделить Церковь от Христа, так невозможно отделить и литургию от реальности нашего вхождения в божественный мир.

Глава 4

Церковь – это прекращение одиночества. Чтобы жить в Церкви, нужно идти к людям, надо стоять с ними в тесноте храма, надо пить Божественные Тайны из одной чаши. А хочет ли человек прекращения своего одиночества? Эта сторона христианства некоторым людям кажется наиболее трудной. Не есть ли это, говорят они, отжившая фаза религии? «Разве Бог не видит, если я молюсь один?» Бог, конечно, видит все, но Церковь начинается там, где, по слову Христову, «двое или трое собраны во имя Его» (Мф. 18:20). Не там, где «один», потому что любовь начинается только там, где «двое или трое». «Двое или трое» – это первичная клетка любви, а Церковь начинается там, где преодолевается самость, обособленность, где начинается любовь. Можно и нужно говорить о значении для Церкви иерархии или о роли в ее истории вселенских соборов. Но, когда забываются слова Христовы о «двух или трех», тогда забывается любовь как первоисточник Церкви, соборов и догматов; тогда все остальные слова теряют свою силу, становятся никому не нужным «бряцающим кимвалом» (1Кор. 13:1). И тогда лучше бы их совсем не знать.

Понятие зовущей к объединению любви лежит в самом греческом слове Церковь – Экклесия, означающем «собрание», «созывание». Вспомним благовест, собиравший людей в храм.

«Церковью она называется, – пишет св. Кирилл Иерусалимский (IV век), – соответственно самой вещи, так как всех созывает и вместе собирает»³⁰. То же у св. Иринея Лионского (II век): Церковь «есть собрание Божие, которое Бог, т. е. Сам Сын собрал через Себя Самого»³¹. Бог собрал тех, кто любил Его, вокруг священной трапезы Таинств – это и есть Церковь. Церковь – это любовь Божия в людях, в народе Божиим. «Чтобы... показать Свою любовь к нам, – говорит Златоуст, – Он дал желающим не только видеть Его, но и осязать, и есть»³². «Природа Церкви евхаристична»³³. Это же понятие лежит в греческом слове «литургия», означающем общенародное дело, общее дело. Литургия – это общее дело любви учеников Христовых, приводящее их в общение не только с Учителем, но и друг с другом.

Говоря о причащении Тайн, св. Иоанн Дамаскин пишет: «Общение глаголется и по истине есть; понеже тем мы сообщаемся со Христом и бываем причастицы Плоти и Божества Его; сообщаемся же тем и соединяемся друг другу. И тако, зане от единого Хлеба причащаемся, то

все едино Тело Христово и единая Кровь Его и друг друга уды бываем, стелесны Христу нарицающиеся»³⁴.

Глава 5

«Во всем... видимом [в Церкви], – пишет Макарий Великий, – представляй себе образы и сени (тени. – С. Ф.) сокровенного: в видимом храме – образ храма сердечного»³⁵.

Каждый храм есть образ и подобие Церкви Христовой. Стены его отгораживают святыню Божию и людей, служащих ей, от мира зла. «Выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь [через апостола]... ибо... какое соучастие верного с неверным?» (2Кор. 6:17, 14, 15). Зло мира – в грехах и страстях людей, и человек стремится, как в пристанище, в корабль Церкви.

И внешне храмы часто строились в форме корабля; иногда же в форме круга, указуя на вечное существование Церкви, иногда в форме Креста, так как Крест есть ее основание. Конечно, было время, когда и этих зданий, и этих облачений духовенства, которые мы видим при богослужении, не было в Церкви. И конечно, в случае необходимости можно совершать богослужение и без особого храма, например в доме. Мученики совершали литургию и в темницах, и без облачений. Но любви христианской страшно, что люди в той же одежде и в том же помещении, в котором проходит их грешная жизнь, будут совершать священную службу. Есть благоговейный страх любви, боящийся оскорбить Любимого. Если этот страх будет жить в сердце, то он сам научит уважению как к уставу, так и к обрядовой свободе. «Дух дышит, где хочет» (Ин. 3:8) – и в подчинении уставу, и в свободе от него.

Вот мы стоим в храме перед началом литургии. Тишина собирает наши мысли и чувства, рассеянные в суете и в страстях. Уже горят везде лампы и свечи, напоминая о Невечернем свете Иисуса Христа: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1:5). По тишине нам кажется, что служба еще не началась, но, наверное, мы ошибаемся. Первая часть литургии обыкновенно совершается вполголоса в алтаре. Она называется «проскомидия». Это приготовление к совершению Таинства и неразрывная часть его. Таинство совершается на пяти хлебцах, называемых просфорами, т. е. приношениями. Каждая из просфор имеет две половинки в знак того, что Христос есть одновременно и Бог и человек. На верхней половинке часто делается изображение креста и начальных букв слов «Иисус Христос», а также слова «Ника», что по-гречески означает «побеждает». Из пяти просфор священник берет одну и вырезает из нее четверугольную часть, произнося слова: «В воспоминание Господа и Бога

и Спаса нашего Иисуса Христа». Трижды произносит он эти слова, а мы подойдем поближе к алтарю, чтобы проникнуть умом и сердцем к таинственному воспоминанию дела Христова на земле.

«Воспоминание» литургии не есть простое, человеческое, но божественное, непостижимое. «Сие творите в Мое воспоминание», – сказал Господь об этом Таинстве. Мы чувствуем, что здесь, в этом воспоминании, прошлое делается настоящим, что жертва Христова за мир готовится еще раз бескровно совершиться. Как хорошо сказал Гоголь: «Литургия есть вечное повторение великого подвига любви»³⁶. «Литургия есть продолжающаяся Голгофа в Таинстве» (священник В. Свенцицкий)³⁷. На литургии точно смещается время, точно уже совершается обетование, что «времени уже не будет» (Откр. 10:6). Говоря о литургической «молитве воспоминания» (анамнезисе), архим. Киприан пишет, что «для первых христиан (она. – С. Ф.) была конкретность, реальность, что-то мистически осязаемое, а совсем не одно только воспоминание, как мы его понимаем»³⁸. «Яко овца на заколение ведясь, – доносится снова к нам из алтаря, – И яко агнец прямо стригущего его безгласен, тако не отверзает уст своих... Во смирении Его суд Его взяты. Род же Его кто исповесть. Яко вземлетя от земли живот (жизнь. – С. Ф.) Его».

«Вземлется от земли жизнь» Христова, «ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного... чтобы мир спасен был чрез Него» (Ин. 3:16, 17). Через смерть Христову – жизнь человечества. «Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо (крестное. – С. Ф.), дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды: ранами Его вы исцелились» (1Пет. 2:24).

Медленно произносит священник священные слова (они взяты из 53-й главы книги пророка Исайи), и мы опять слышим: «Жрется (приносится в жертву. – С. Ф.) Агнец Божий, возьмляй (взявший. – С. Ф.) грех мира за мирский живот и спасение (за жизнь и спасение мира. – С. Ф.)». Эти слова бесконечно повторяются по их смыслу в различных древних христианских литургиях, в творениях отцов и в молитвах.

«Ты сочетал, о Господи, Твое Божественное с нашим человеческим и наше человеческое с Твоим Божественным, Твою жизнь с нашей смертностью и нашу смертность с Твоею жизнью. Ты принял то, что было наше, и дал нам Твое» (Сирийская литургия Иакова)³⁹. Но Бог сделался не только человеком, но человеком распинаемым, Бог стал закалаемым Агнцем. Вот почему св. Киприан Карфагенский, говоря о литургии, писал: «При всякой жертве мы воспоминаем страдания Господа, ибо жертва, приносимая нами, есть Его страдание»⁴⁰. Все преобразование человека и

мира причиной своей имеет только одно: страдания и смерть Христову. Вот почему апостол Павел, говоря о литургии, пишет: «всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет» (1Кор. 11:26). Как поется в молитве Великого поста, заменяющей на литургии Херувимскую, «Царь бо царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным». «Приходит (сейчас. – С. Ф.) заклатися...» Так в молитве перед причастием: «Присно (вечно. – С. Ф.) закалаемый». Или как в древней сирийской литургии Иакова: «Небесные силы стоят вместе с нами в святилище и совершают службу у Тела Сына Божия, закалаемого в нашем присутствии»⁴¹. Архимандрит Киприан пишет, что в воспоминании «Христовых страданий творится самое действие страстей (страданий. – С. Ф.) Господних»⁴².

Это совершилось когда-то в мире, единожды и неповторимо, «на месте, называемом Голгофа», но это совершается вновь и вновь – и теперь в храме – бескровно в образах, но непостижимо реально, так что человечество до конца своей истории только этим живо и действенно: смертью и воскресением Христа, только этим жертвенным воздухом литургии.

И только для того, чтобы мы еще яснее ощутили всю божественную действительность совершаемого, священник говорит: «Един (один. – С. Ф.) от воин копием ребра Его прободе, и абие (тотчас. – С. Ф.) изыде кровь и вода».

Святитель Димитрий Ростовский пишет: «Прободены живоносные ребра Того, Кто из ребра создал Еву. Сей небесный Жених зиждет ныне от ребра Своего возлюбленную Себе невесту – Церковь Свою святую, искупленную кровию Его»⁴³. «Страждет плотию Бог», – поется в одной молитве⁴⁴.

На кресте было не призрачное, а истинно человеческое тело Бога, и именно благодаря тому, что оно было истинно человеческим, стали возможными и Церковь, и литургия. «Ибо кровь может исходить, – пишет св. Иринеи Лионский, – только из жил и плоти и прочего, что составляет сущность человека, которою истинно сделалось Слово Божие и искупило нас Своею кровию»⁴⁵. Весь замысел Церкви – в единстве любви. Поэтому при основании ее Христос молился: «да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин. 17:21). И священник на проскомидии священнодействует в образах это единство Церкви с Богом. Прежде всего он смешивает в чаше вино с водой. Святой Киприан Карфаганский пишет: «Смешение в чаше воды с вином показывает союз

народа с Христом, верующих – с Тем, в Кого веруют. Вода и вино после смешения в чаше так неразрывно соединяются что... не могут отделяться... так точно ничто не может отделить от Христа Церкви, т. е. народа, составляющего Церковь»⁴⁶.

Во образ единства Церкви, или ее соборности, священник совершает и другое священнодействие: вынимает частицы из отдельных четырех просфор во имя всех участников и небесной торжествующей и земной воинствующей Церкви, располагая эти частицы вокруг «Агнца» на дискосе. Дискос – это небольшое металлическое блюдо на подставке. Вот из второй просфоры вынимается частица «в честь и память Преподобных Владычицы нашей Богородицы и Присно девы Марии, Еяже молитвами приими, Господи, жертву сию в пренебесный Твой жертвенник».

«Молясь Богородице, Ангелам и святым, мы признаем их за одно таинственное тело Церкви, к коему принадлежим и мы... Молясь об упокоении усопших... мы считаем и их за одно тело с нами... Вот плод веры Христовой: единение любви со всеми... Ибо все – едино тело, един дух, едина Церковь, Ангелов и человеков» (прот. Иоанн Кронштадтский)⁴⁷.

«Евхаристия есть соборное единство всех ее причастников» (архим. Киприан)⁴⁸.

Богородичную частицу священник кладет с правой стороны святого хлеба, т. е. уже положенного на дискосе «Агнца», со словами: «Предста Царица одесную Тебе, в ризы позлащенны одеяна, преукрашена». В толковании на эти слова из псалма Василий Великий пишет: «Пророк говорит о Церкви»⁴⁹. «Слова сии, – пишет преп. Симеон Новый Богослов, – относятся к Пресвятой Богородице, но приличествуют и Церкви Сына Ее и Бога... Церковь есть тело Христово, и невеста Христова, и мир вышний, и храм Божий... надлежит родиться всем предуведанным от Бога и наполниться превысшему сего мира миру Церкви первородных, Иерусалиму небесному; и тогда совершится полнота Тела Христова, приняв в себя всех предопределенных от Бога быть сообразными образу Сына Его... Тогда... тело царицы Божией Церкви... явится всецело полным и совершенным».

«Плоть Господня, – пишет там же тот же святой, – есть плоть Богородицы»⁵⁰. Церковь и Приснодева Мария сливаются в сознании святых как воплощенное единство твари, как храм Божий, как «Соборное Существо».

Глава 6

Обычно во время совершения проскомидии священник дает благословение, чтобы на клиросе начинали читать так называемые «часы», обычно третий и шестой, в которых большую часть составляют ветхозаветные псалмы пророка и царя Давида. «Третий час» (по ветхозаветному исчислению времени, а по-нашему 9 часов утра) возводит нашу мысль к тому, что в этот час совершилось схождение Святого Духа на апостолов, т. е. совершилось окончательное образование Церкви. Именно с этого дня и часа начался великий путь Церкви в истории. Поэтому в молитве «третьего часа» Церковь просит: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом Твоим низпославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас, молящих Ти ся». На «третьем часе» читается 50-й псалом («Помилуй мя, Боже»). Помимо того что он более других нам и понятен и близок, в нем [заключается] сильнейшее моление о ниспослании нам Духа Святого, а это особенно нужно приступающим к литургии. «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми от мене. Воздаждь (снова дай. – С. Ф.) мне радость спасения Твоего и духом Владычним утверди мя». В этих понятных словах – все учение Церкви и о покаянии, и о стяжании Святого Духа Божия каждой христианской душой. «Сердце чисто созижди во мне...» «Исполни, Господи, сердце мое жизни вечной» (св. Исаак Сирий)⁵¹. «Прииди, Господи, в сердце мое и от изобилия радости Твоя напой его» (Георгий Задонский).

«Шестой час» (по-нашему 12 часов дня) приводит нас на память время, когда «распятые с Ним поносили Его». В шестом часу «настала тьма по всей земле» (Мк. 15:33). Это и вспоминается в молитве шестого часа: «Иже в шестый день же и час, на Кресте пригвождей в рай дерзновенный Адамов грех, и согрешений наших рукописание раздери, Христе Боже, и спаси нас». Адамов грех «пригвожден на кресте». Поэтому после крестной Жертвы и Воскресения Христос сказал: «дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28:18). Именно Крест есть «оружие великое Христово» – «победа, победившая мир». Вот почему на «шестом часе», часе крестного страдания, читается псалом 90: «Живый в помощи Вышняго... оружием обыдет тя истина Его»; час страданий Христовых сделался часом великой защиты и сохранения верующего человечества.

«Шестой час» заканчивается молитвой св. Василия Великого, учителя

Церкви IV века. В ней все будет нам понятно, надо только прислушаться к ее священным словам: «Не уклони сердец наших в словеса или помышления лукавствия. Но любовь Твою уязви души наша, да к Тебе всегда взирающе и еже от Тебе светом наставляеми, Тебе неприступнаго и присносущнаго зряще Света, непрестанное Тебе исповедание и благодарение возсылаем».

Сказал авва Исая: «Любовь есть размышление о Боге с непрестанным благодарением; благодарению же радуется Бог, (так как. – С. Ф.) оно есть знак успокоения», – читаем мы в «Патерике»⁵². В великом покое благодарения совершается от начала до конца вся литургия, иначе называемая Евхаристией. Евхаристия и значит «благодарение». Это покой, идущий от бескровной Жертвы, приносимой о всех и за вся, за весь мир. Часы кончились, в алтаре кончилась проскомидия. Но к нам доносится из алтаря как бы еще некий молитвенный разговор между священником и диаконом. «Время сотворити Господеви, владыко, благослови», – говорит диакон священнику, наклоня перед ним голову, т. е. «время», «пора начинать» (вторую часть литургии), «благослови». Священник отвечает: «Благословен Бог наш», т. е. «да будет на этом благословение Божие». Тогда диакон просит: «Помолися о мне, владыко», как бы говоря: «Я принимаю благословение, но страшно служение мое ангельское – помолись обо мне!» Священник, одобряя его, отвечает: «Да исправит Господь стопы твоя». Казалось бы, теперь уже диакон должен был бы идти и начать, но мы слышим, что он еще раз просит: «Помяни мя, владыко святыи», как бы все еще не решаясь. Ведь, как сказано в одной литургической молитве: «Ныне Силы небесныя с нами невидимо служат. Се бо входит Царь славы, се Жертва тайная совершена дориносится». И тогда священник, как имеющий благодатную власть, говорит ему: «Да помянет тя Господь Бог во Царствии Своем». Хоть мы и недостойны, но, призываемые Господом, «верою и любовью приступим».

И мы ясно слышим, как диакон в алтаре говорит наконец: «Аминь». «Аминь» означает «истинно так» или «истинно да будет так». Блаженный Иероним называл это слово печатью молитв⁵³. В храме на минуту наступает уже совершенная тишина. Все приготовлено к главной части литургии. Вот готовы ли мы? Участвуем ли мы в этом безмолвии священнодействия, в этой божественной тишине? Св. Игнатий Богоносец пишет: «Кто приобрел слово Иисусово, тот истинно может слышать и Его безмолвие»⁵⁴.

«Рассказывали об авве Аполлоне, что он имел ученика по имени Исаака. Весьма обученный ко всякому благому делу, он снискал безмолвие

(к Таинству. – С. Ф.) святой Евхаристии и когда он выходил в церковь, то не допускал никого идти навстречу ему... Когда же оканчивалась служба, то, как бы гонимый огнем, он спешил уйти в свою келлию»⁵⁵.

Глава 7

Главную часть литургии священник начинает торжественным возгласием: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков». «Ныне и присно» – сейчас и всегда. Многие в храме имеют хороший обычай при этом возгласии поклониться до земли святому и блаженному Царству Пресвятой Троицы. Небесной отрадой веет от этого начала литургии: так делается ясно, что за нашим призрачным и жестоким миром лежит мир правды и милосердия, света и радости, – мир, всегда ожидающий нас. «Ищите Царствия Божия» (Лк. 12:31) – этот евангельский призыв раскрывает самую суть христианства: это Царство не от этого мира, а Божие и искать и обретать его надо уже сейчас. В будущей жизни – его полнота, но обручение ему – еще здесь, на земле; еще в этой жизни надо успеть задышать его воздухом. Ведь «Царствие Божие, – говорит Евангелие, – внутри вас есть» (Лк. 17:21), в получаемой вами благодати Святого Духа. Святые постоянно учат, что цель христианской жизни только одна: стяжание Святого Духа, или Богообщение, обретение благодати внутри себя.

«...Верую... ищу в сердце моем словом Твоим, Иисусе Христе, Царствия Божия. Помози, Господи, да обрящу и пребуду в нем... не оставь меня... побуждай меня... да ищу Царствия Твоего внутри меня, пока найду» (Георгий Задонский)⁵⁶. «Подвизайтесь стяжать сознательно внутри вас Царствие Небесное, т. е. благодать Святаго Духа, – пишет преп. Симеон Новый Богослов, – чтоб не отойти из жизни сей пустыми от нея, – особенно те, которые думают, что имеют ее (благодать. – С. Ф.) в себе, не сознавая того (не ощущая ее. – С. Ф.)... Кто не стяжал сознательно внутри себя Царства Небеснаго, тому есть ли способ внити в него по смерти?..»⁵⁷ «Эта-то цель (стяжание благодати. – С. Ф.) и есть, – пишет святой, – от начала мира сокровенное таинство христианства»⁵⁸. Именно так учили преп. Серафим Саровский, Макарий Великий и другие святые. «Начало (христианского пути. – С. Ф.) – в твоём облагодатствовании... конец – Богоподобие в святости. Ни то ни другое не совершится без живого, личного общения с Господом Иисусом Христом» (еп. Феофан Затворник)⁵⁹.

Искание благодати есть начало истинной жизни в христианстве, – жизни не по расчету и не по рефлексу-традиции и не по страху, а по любви и по радости.

В одной из древнейших литургических молитв (египетская анафора

еп. Серапиона) мы читаем: «Молим Тебя, соделай нас людьми живыми; даруй нам дух жизни, дабы мы знали Тебя, истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа! Даруй нам Духа Святаго, дабы мы могли изглаголать и возвестить наизреченные тайны Твои»⁶⁰.

Глава 8

Вслед за возглашением о благословенном Царстве Божиим произносится «великая ектинья». Слово «ектинья» означает «прилежное, напряженное моление». «Миром Господу помолимся»... «Миром» – это и в мире души, в ее безмятежии, в покое, и «миром-собором», т.е. едиными устами и единым сердцем с другими людьми. Здесь, в этой молитве литургии мы снова возводимся к идее Церкви. «Великая ектинья... – пишет прот. Иоанн Кронштадский, – есть премудрая ектинья, ектинья любви; в ней христиане, живущие и святые, представляются одним великим сочленением тела Иисуса Христа»⁶¹.

Второй возглас ектиньи – опять моление о мире. «О свышнем мире и спасении душ наших» – это напоминание, что все в нашей жизни: и всякий мир душевный, семейный, общественный, государственный – зависит от мира, сходящего с неба, от Божиего мира, который, по слову апостола, «превыше всякого ума» (Флп. 4:7). Обретая его, мы обретаем и спасение души. Ведь это спасение в нашем единстве с Богом, в нашем вхождении еще здесь, на земле, в Царствие Его, которое есть "правда, мир и радость во Святом Духе» (Рим. 14:17). «Ничего нет равного ему (миру. – Ред.), – пишет св. Иоанн Златоуст, – поэтому мы... всюду просим мира в церквах... И раз, и два, и три, и многократно дает его предстатель церкви, (говоря): «Мир вам»... Потому что он – мать всех благ и основание радости»⁶².

Далее следует ряд молений или возгласов ектиньи⁶³ о различных благах нашей земной жизни, о церковном руководстве, о государственных властях. Моление о властях основано на прямой апостольской заповеди молиться за всякую власть, в том числе и языческую (см.: 1Тим. 2:2). Тертуллиан во II веке писал: «От сердца молимся с распростертыми руками о долгоденствии императоров, о благосостоянии империи, о храбрости воинов, о верности Сената»⁶⁴. Мученическая первохристианская Церковь умела сочетать отрешенность от мира с молитвою за этот мир, молитву за императоров с молитвой о тех, кого эти императоры мучили.

В некоторых древних литургиях, кроме возгласа о «негодующих, страждущих, плененных», было такое моление: «О сущих в рудокопаниях и изгнаниях, и темницах и узах ради имени Господня, помолимся»⁶⁵. В литургии «Апостольских постановлений» было моление «О внешних и заблудших, чтобы обратил их ко благу и укротил ярость их»⁶⁶.

Все совершаемое и с человеком, и с миром совершается по воле Божией, и он лучше нас знает, что нам нужно и что не нужно. Поэтому великая ектеня заканчивается преданием всего и всех в волю Божию: «Сами себя, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим». «Тебе, Господи», – отвечает хор. Святитель Димитрий Ростовский пишет: «...в том и есть царство, наслаждение, радость и свет души, чтобы любить Бога; а любящий Бога любит во всем Его святую волю и с великой сладостью приемлет от рук Его как благое, так и кажущееся злым; такой даже и муку, как бы царство, готов принять по воле Господней. Я знал одного из отцов, такого, который... во всякий день молился, говоря так: «Господи, если хочешь иметь меня во свете благодати Твоей, – будь благословен. Если же хочешь иметь меня во тьме отринования от лица Твоего, – тоже будь благословен»⁶⁷. После великой ектеня поются так называемые «антифоны». Это слово означает пение на два хора, правый и левый, попеременно. Первый антифон – это 102-й псалом «Благослови, душе моя Господа... Господь на небеси уготова престол Свой, и царство Его всеми обладает...»

Второй антифон – это псалом 145: «Хвали, душе моя, Господа, восхваляю Господа в животе моем (т. е. в жизни моей. – С. Ф.), пою Богу моему, дондеже есмь». Оба псалма – это ветхозаветное раскрытие идеи Бога.

После этого поется «Единородный Сыне и Слове Божий». Все эти песнопения полны восхваления Бога⁶⁸, «творящего суд обидимым, дающего пищу алчущим». Но «Единородный Сыне» открывает нам, кроме того, великую истину веры, или «догмат» о том, что Христос, Сын Божий, есть не только истинный Бог, как «един сый Святыя Троицы», но и истинный человек, как «непреложно вочеловечивыйся от святыя Богородицы» – Два естества Христовы – Божеское и человеческое, не нарушая своих свойств, соединились в Нем в несливаемое единство единого Лица – Богочеловека, «спрославляемого Отцу и Святому Духу». После этого хор поет Заповеди блаженства, записанные в 5-й главе Евангелия от Матфея. Девять новозаветных заповедей прибавили к десяти ветхозаветным то великое, что силу нравственного закона они распространили на внутренние движения души. «Вы слышали, – сказал Христос, – что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (Мф. 5:21, 22). Гнев Христос приравнял к убийству, а тайное вожделение – к явному греху. На всю внутреннюю, потаенную жизнь души был брошен Им ослепительный свет, и все в этой жизни, даже

самые сокровенные мысли и чувства, теперь должны выбирать между светом и тьмой: или идти в послушание Христу, или в рабство диаволу.

Но в заповедях Нового Завета есть еще одно великое отличие от ветхозаветных: они – заповеди блаженства, они даны как заповеди личного счастья, их исполнение не просто долг или необходимость, но условие великой радости, духовной радости, не аллегорической, не абстрактной, а совершенно реальной. Нищие духом, и плачущие, и кроткие, и милостивые действительно счастливы, неся в себе самих Христа, своего Учителя. Св. Ерма пишет: «Удаляй от себя всякую печаль, потому что она есть сестра сомнения и гнева... Молитва печального человека никогда не имеет силы восходить к престолу Божию... Если будешь великодушен, то Дух Святой (дух святости, или святости. – С. Ф.), в тебе обитающий, будет чист и не помрачится от какого-либо злого духа; но в радости расширится и вместе с сосудом (плоти. – С. Ф.), в котором обитает, будет весело служить Господу»⁶⁹. Святой Ерма жил в конце I века, в эпоху гонений. Человек, живущий христианством, наряду с трудом, огорчениями, страданиями, «сердечным болезнованием» своей жизни совсем просто ощущает счастье и радость. Не потому ощущает, что это «положено по уставу» или что это «заповедь», а потому, что не может он их не ощущать. И это совершается не где-то на высоте, а в самом начале его пути.

«Бог есть огонь... Душа... есть существо чувствующее и разумное. Почему она в самом начале чувствует и сознает возгорание (в себе. – С. Ф.) огня того – и сие тем паче, что оно сопровождается... нестерпимым болезнованием (сердечным)» (преп. Симеон Новый Богослов)⁷⁰.

«Но не подумал бы кто, что когда (поскольку. – С. Ф.) Богообщение поставляется последней целью человека, то человек сподобится его после – в конце, например, всех трудов своих. Нет: оно (Богообщение. – С. Ф.) должно быть всегдашним, непрерывным состоянием человека. Так что, коль скоро нет общения с Богом, коль скоро оно не ощущается, человек должен сознаться, что стоит вне своей цели и своего назначения» (еп. Феофан Затворник. «Письма о христианской жизни»).

«Иная есть радость началовводная, и иная завершительная... Надлежит прежде началовводною радостью призвать душу к подвигам» (блаженный Диадокх)⁷¹. В одной молитве св. Амвросия Медиоланского – «пресвитерам, готовящимся к служению святой литургии», – говорится: «...отъими сердце каменное от плоти нашея и даждь сердце плотяное, боящееся Тебе, любящее... Тебе последующее и Тобою питающееся»⁷². «...Благоволите мне, грешному, небесную сию жертву со страхом и трепетом, чистою совестью, слез изливанием, в радости духовней и веселии божественном

приносити, да ощути ум мой блаженную пришествия Твоего сладость и ополчение святых ангел Твоих окрест мене»⁷³. «Хлебе сладчайший, уврачуй устне сердца моего, да чувствую во мне любви Твоея сладость»⁷⁴. Нечувствие – «это смерть души» – пишет преп. Симеон Новый Богослов. На нас исполняется слово Господне, говорящее, «что видящие не видят и слышащие затыкают душевные уши и не слышат глаголов Духа»⁷⁵.

Ощущение божественного тепла, радости и духовного счастья есть предощущение будущего века, и это «ощущение будущего века в мире сем есть то же, что малый остров в море; и приближающийся к нему не утруждается уже в волнах видений века сего» (св. Исаак Сирий)⁷⁶.

«Если ты... причащаешься Пречистых Тайн без того, чтоб ощущать какую-либо благодать в душе своей, то причащаешься только по видимости, а в себя самого ничего не принимаешь, – пишет преп. Симеон Новый Богослов... – когда вкушаешь ты божественный хлеб сей и пьешь сие вино радования, а между тем не ощущаешь, что зажил жизнью бессмертною, восприняв в себя силу светоносную и огненную... что испил Кровь Господню, как воду живую и обрадовательную, если, говорю, не ощущаешь в себе, что приял нечто из того, о чем я сказал теперь, то как думаешь, что приобщился жизни вечной... причастен стал света непрестающего?»⁷⁷

Страшно сказать, но у некоторых церковных людей современности существует в противоположность святым своего рода теория о необходимости «стоять столбом» в церкви, т. е. ничего не чувствовать, кроме, может быть, своего долга этого стояния. Для этих людей ложного смирения заповеди еще не стали заповедями блаженства, Ветхий Завет еще не перешел в Новый. Вековой посев религиозной внешности приносит в них свой урожай.

«Если и все церковное правило будет выполнено, – пишет Макарий Великий, – но таинственной Евхаристии иереем не совершено и приобщения Тела Христова не было, то по церковному уставу священнодействие не довершено и служение таинства недостаточно – так разумей и о христианине. Если преуспел он в посте, во бдении, в псалмопении, во всяком подвиге и во всякой добродетели, но на жертвеннике сердца его не совершено еще благодатию таинственного действия Духа, при полном ощущении и духовном упокоении, – то все таковое чинопоследование подвижничества несовершенно и почти бесполезно, потому что человек не имеет духовного радования, таинственно производимого в сердце»⁷⁸

Глава 9

Во время пения заповедей блаженства открываются средние, так называемые «царские» двери (в честь «Царя славы» Господа) для совершения «малого входа»: священник и диакон с Евангелием в руках идут от престола через «северные», т. е. левые от лица народа, двери на амвон. Это знаменует и напоминает собою выход Христа на Его проповедь. «Пришел Иисус в Галилею, проповедуя Евангелие Царствия Божия» (Мк. 1:14).

Свеча, несомая перед Евангелием, знаменует собою Иоанна Крестителя, который был и «предтечей» Господа, и «светильником света». Этот выход Христа на проповедь осуществляется на литургии – уже не символически – через несколько минут после «малого входа» чтением Слова Божия – апостольских посланий и Евангелия. В литургии проходит в созерцании веры вся жизнь Спасителя.

«В литургии мы, – пишет митрополит Солунский Николай Кавасила, – созерцаем Христа, в ней изобразуемого, Его дела и страдания. Ибо через псалмы, чтения и священнические действия и обряды Спасителево раскрывается смотрение... и есть тайноводство, как бы одно некое начертание единого тела Спасителевой жизни, представляющее видению все части этой жизни от начала до конца, дабы созерцание этой жизни осватило души и сделало их достойными восприятия священных даров. И как тогда оно – это Тело – вселенную воскресило, так оно и душу взирающих на него соделовае лучшею и божественнейшею и вящих дарований духовных сподобляет»⁷⁹. Тело Спасителя, по апостолу, есть Церковь. Значит, литургия, как «начертание единого Тела Спасителевой жизни», есть начертание Церкви. Перед самым чтением Слова Божия певчие поют «Святый Боже», или «Трисвятое». Эту молитву, по преданию, услышал в V веке в Константинополе мальчик в пении Ангелов. Во время чтения Апостола священник молится про себя, или «тайно», о том, чтобы в сердцах наших воссиял нетленный свет божественного разума Слова Божия. Для святых этот свет был не аллегорическим, а истинным. Один подвижник рассказывал о своем видении в храме: «Когда... прочитано было учение апостольское и вышел диакон читать Евангелие, я видел, что кровля церкви раскрылась, и видно было небо, и каждое слово Евангелия было как огонь и восходило до небес»⁸⁰.

В древности не было тайных молитв священников, т. е. все молитвы, читаемые священником, читались им во всеуслышание: народ,

составлявший Церковь, участвовал во всех молитвах ее. Архимандрит Киприан пишет: «Тайные... (молитвы. – С. Ф.) современная литургическая практика понимает как «секретные»... в древности было не так... Златоуст ясно поучает нас о том, что молитва совершается священником сообща с народом... При тайном чтении молитв Церковь... лишает верный народ участия в сознательной евхаристической жизни»⁸¹. Народ же в древности и пел все молитвы. Только с IV-V веков все большую роль в пении начинают занимать особые «певцы» – певчие, отделенные от народа. С упадком веры пение в храме начиная с XVII-XVIII веков все чаще принимает совершенно не соответствующее храму оперно-концертное направление. Это одна из тяжелых язв церковной действительности. В XIX веке в репертуаре церковного пения имелись «номера» под такими, например, названиями: «Херувимская веселого распева», «с выходками», или «умилительная», «с чердака»⁸². Это надо знать, так как это все следы оскудения веры, а это оскудение мы должны преодолевать.

Возглас «Премудрость, вонмем» или только «Премудрость», возглашаемый как в этой части литургии, так и в других, означает призыв к усилению внимания молящихся. «Прости» значит «станем прямо, благоговейно». Еврейское слово «аллилуйя» вообще означает «хвалите Господа», но «кроме буквального смысла, в нем есть род непереводаемого радостного восклицания и хвалебного торжества»⁸³. Блаженный Августин считал, что ни «Аминь», ни «Аллилуйя», слышанные в небе апостолом Иоанном (см.: Откр. 19:1), невозможно перевести за их неизреченность. Вспомним еще раз 3-ю главу Апокалипсиса: «И Ангелу Лаодикийской Церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный...» (Откр. 3:14), где слово "Аминь" стало как бы личным именем Сына Божия. А понятию имени придается в Церкви очень большое значение. Для человека, живущего любовью к Иисусу Христу, имя Его есть Он Сам, в смысле действия Его благодати в том, кто Его сердцем призывает. Призываемое в любви имя Божие тут же отвечает человеку лучом любви Божией. Святой Ерма в «Пастыре» говорит: «Имя Сына Божия велико и неизмеримо, и оно держит весь мир»⁸⁴. Этот же учитель Церкви называл Церковь «башней»⁸⁵, а "имя Божие есть крепкая Башня»⁸⁶ (Притч. 18:10). Вот почему священник Павел Флоренский говорил, что «имя Божие – это мистическая Церковь». Имя Божие есть «Начертание Божие», «солнце в малой капле вод», солнце, собранное в этой капле ради любви христианского сердца. Но если так в отношении свойственного сердца. Но если так в отношении свойства имени к именуемому Богу, то в подобии этого можно разуметь и имена человеческие. Надо принять их так, как бы принимали самих

людей. Эти имена для нас тоже таинственное «начертание» каких-то живых душ, требующих нашей любви. Поэтому очень большое значение приобретает чтение за литургией имен людей, живых и умерших. Каждая частица, вынутая за них, будет погружена в Кровь Господню для очищения и вечной жизни. С какой же любовью и трепетом о чужой судьбе мы должны относиться к этим иногда затертым клочкам бумаги с именами часто уже давно всеми забытых на земле людей. В этом – неумиряющая память Церкви, вечная память Божия – Его любовь, собрание в ней человечества. Недавно, читая в алтаре записки, я прочел такую: «О спасении всех людей, родных, сродников, знаемых и не знаемых, болящую Лидию и всех болящих».

Имена, произносимые на литургии, прочитываются вблизи от жертвенника и престола, на которых лежат Святые Дары, еще не освященные. Преподобный Феогност пишет: «Святые Дары, имеющие быть освященными, для того подлежат открытыми после Символа веры, что они неким образом как бы молятся о приносящих и вопиют неизрекаемыми гласами к Живущему на небесах, да не презрит их... вспоминая вольное за грешников истощение Сына Своего, Его неизреченное схождение и человеколюбивое заклатие»⁸⁷.

Глава 10

После чтения Евангелия и следующих за ним ектений (одна из них называется «сугубой», с тройным «Господи помилуй») начинается моление об «оглашенных». Эта часть литургии в наше время может быть воспринята только как обрядовый знак, говорящий о когда-то бывшей здесь живой жизни⁸⁸.

Златоуст так говорит о духовной насыщенности первохристианства по сравнению с его временем (конец IV века): «Церковь тогда была небом; Дух устроил все в народе, руководил и вдохновлял каждого из предстоятелей. А теперь у нас одни только знаки тогдашних дарований»⁸⁹. В древней Церкви крещение обычно совершалось над взрослыми, которые перед крещением подготавливались – «оглашались», т. е. внимали голосу («гласу») или устному слову христианских учителей – «катехизаторов», или «огласителей». Эти «оглашаемые» словом учения могли стоять на литургии только до начала «литургии верных», почему та часть литургии, на которой они имели право стоять, называлась «литургией оглашенных».

«Вернии об оглашенных помолимся, да Господь помилует их, – взывает и в наше время диакон, – Откроет им Евангелие правды. Соединит их святей Своей, соборней и апостольстей Церкви...»

Чтобы понять, что в древности эти «оглашаемые», эти люди, которые были обязаны покинуть храм на виду у всех, как недостойные еще в нем находиться во время дальнейшего священнодействия, – были люди уже высоко христиански просвещенные, достаточно прочесть некоторые строки из литургической молитвы об оглашенных эпохи Златоуста (IV век): «Помолимся прилежно об оглашенных, чтобы премилосердый Бог услышал молитву их, отверз их сердца к разумению того, что око не виде и ухо не слыша и на сердце человеку не взыде. Да научит их учению истины... Ангела мира просите, оглашенные. Просите о том, чтобы все предлежащее вам было мирно, мирен настоящий день и все дни жизни вашей. О христианской кончине молитесь. Предадите себя самих живому Богу и Христу Его»⁹⁰. В древности на литургию верных не могли оставаться не только оглашенные, но и те христиане, которые за свои грехи находились под церковным запрещением участвовать в принятии Таинства – иногда на очень длительный срок.

Апостол Павел запретил «сообщаться с тем, кто, называясь братом (верующим. – С. Ф.), остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с

таким даже и не есть вместе... извергните развращенного из среды вас» (1Кор. 5:11, 13). «Какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?» (2Кор. 6:14). В христианстве вера неотделима от нравственности, от исполнения заповедей. Исполнение заповедей есть действие любви. «Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди», – сказал Христос (Ин. 14:15). Вера не может быть не действующей, не любящей. «Все... прекрасно, если веруете с любовью», – писал в начале II века св. Игнатий Богоносец⁹¹. «Старайтесь... благоуспевать плотью и духом, верою и любовью»⁹². «Вера есть Плоть Господа, любовь – Кровь Иисуса Христа»⁹³. Как в литургии мы принимаем и Плоть, и Кровь Господню, так и в своей христианской жизни мы должны осуществить не одну веру, но и любовь, или, по слову апостола, «веру, действующую любовью» (Гал. 5:6). Действие любви и есть христианский подвиг. Вне его, вне любви обескровленная плоть веры умирает. Нераскаянный грешник сам отлучает себя от Тела Христова, от Его Церкви, и тем самым не может участвовать в ее таинствах.

«...Будем жительствовать достойно Главы нашей... – пишет преп. Феодор Студит, – как сотелесники и соучастники и сонаследники Христовы... Оскверняющий тело уже не член Тела Христова, то же злопамятствующий или другой какою-либо страстью обладаемый, и потому недостоин причащаться Святых Тайн»⁹⁴.

Недопускаемые к причастию грешники выходили из храма перед началом главной части литургии.

Так было в древней Церкви. Но еще в ее средние века, в XI веке, преп. Симеон Новый Богослов советовал людям грешным, хоть уже принесшим покаяние и не находящимся под церковным запрещением, но еще недостаточно себя освятившим новой, чистой жизнью, воздерживаться от причастия, пока, – пишет преп. Симеон, – «помысел твой и расположение твое не отложатся от злых дел греховных, пока не стяжешь твердаго намерения никогда уже не оставлять Добрых дел и... (пока. – С. Ф.) совершенно не возненавидишь грех». Пока же этого нет, «когда совершается Божественная литургия и священник или диакон скажет: «Елицы оглашени, изыдите», выходи из церкви, и становись в преддверии храма, и, вспоминая о грехах своих, и плачь. Потом, когда кончится Божественная литургия, можешь опять входить в церковь»⁹⁵. «...Тебе следует стоять за дверьми церкви, как оглашенному... Ибо оглашенным следует называть не только неверного (еще не крещенного. – С. Ф.), но и всякого, кто не зрит славы Господа откровенным лицом ума своего»⁹⁶.

Другой учитель Церкви – Симеон, архиеп. Солунский (XIV-XV века), это правило о несмешении в общении Таинства членов Церкви с теми, кто сами себя из нее вывели своими нераскаянными грехами, относит и к выниманию частиц из просфор. «Будучи внесена в чашу, – пишет он, – (частица. – С. Ф.) соединяется с Кровию. Поэтому душе, за которую была принесена эта частица, ниспосылается благодать: общение духовное. Если душа благочестива или и согрешивши покаялась, невидимо приемлет (она. – С. Ф.) общение Духа, часто же и телесную обретает пользу. Но если кто совершает грех и от него не отступает, делая себя негодным для общения (в Таинстве. – С. Ф.), в осуждение тому будет и принесенная о нем жертва. Посему иерей должен внимать и не принимать приношения от такового и не возносить жертв за таких, которые грех бесстыдно совершают, чтобы и самому с ними не осудиться. От сего искушения и скорби происходят. "Сего ради, – говорит Павел, – многие из вас немощны и больны и немало умирает» (1Кор. 11:30)"⁹⁷.

При том духовном невежестве, которым отличается наша церковная эпоха, трудно предположить возможность соблюдения этого указания. Но надо хотя бы знать о нем и о всей той тревоге, которую проявили руководители Церкви в древности, начиная с апостолов, о том, чтобы святыня Церкви была в святых руках, чтобы в общении этого Таинства не оказалось среди учеников снова Иуды. На Тайной вечери он был попущен – «да сбудутся Писания». Но это попущение есть страшное предупреждение на будущее и призыв к бдительности Церкви. Это надо знать и для себя лично, «да не в суд или во осуждение будет мне причащение пречистых Тайн»⁹⁸. Апостольским предупреждением об опасности недостойного причащения полны наши молитвы перед причастием и после него: «Да не опалиши мене, Содетелю мой!»

Древнее отношение к причастию создается как бы из двух противоборствующих сторон: стремления как можно чаще соединяться с Господом и страха причаститься в осуждение себе, «в опаление себя». Первое – устремление к еженедельному, ежедневному причащению, второе удерживает от него иногда на долгое время. Чтобы понять правду божественного страха перед бременем Таинства, приведу рассказ о преп. Филимоне. «Удостоен будучи пресвитерства, давно-давно, и так преискренно коснувшись небесного и жизнью и разумом, он всячески избегал Божественных священнодействий, как бремени... И Божественных Тайн причащаться, несмотря на такую постоянно опасливую жизнь, не причащался, когда случалось ему входить в общение и беседовать с людьми... А когда намеревался причаститься Божественных Тайн, то пред

этим долго Докучал Богу, умиловляя Его молитвами, псалмопениями и исповеданиями. Ужасался он гласа иереева, который возглашает при сем, говоря: «Святая – святым». Ибо в это время, говорил он, вся Церковь полна бывает святых Ангелов и Сам Царь сил, таинственно священнодействовав и хлеб и вино претворив в Свое Тело и Кровь, чрез святое причащение вселяется в сердца наши. Почему, присовокупляя он, надлежит нам лишь непорочно и чисто и как бы вне плоти бывая без всякого сомнения и колебания дерзать на святое причастие пречистых Христовых Тайн»⁹⁹.

У многих в наше время нет никакого страха перед Таинством. Поэтому, может быть, будет полезно знать, как святые убеждали не каких-нибудь мирян, а священников воздерживаться от Таинства и удаляться от священства во избежание осуждения за недостойнство. «Без очищения себя не дерзай прикасаться святых Тайн, чтобы не пожжену быть, как сено, Божественным нем, – пишет преп. Феогност, – Сподобившись Божественного и честного священства, прежде всего себя самого обязан ты всегда иметь принесенным в жертву умерщвлением страстей... если не имеешь извещения от Духа Святого, что ты благоприятный посредник между Богом и человеками, то на пагубу себе не дерзай на всесвятое и страшное священнодействие Божественных Таин, перед коим Ангелы благоговеют и от коего «благоговейно воздерживались многие из святых... Всеконечно лучше по сознанию своей немощи и отказаться от высокого чина священства, нежели с сознанием своей нечистоты принять его и носить... Не осилив отстать и очиститься от страстного расположения, как дерзаешь ты, окаянный, касаться того, что и для Ангелов неприкосновенно?.. Или достойно и чисто – чтобы не сказать равноангельно – пользуйся властью божественного Священства, или отступи от сего страшного служения»¹⁰⁰. «Евхаристия, – пишет св. Димитрий Ростовский, – приносится... не только за всех... верующих, но и (за. – С. Ф.) неверных, чтобы они обратились»¹⁰¹. Это приношение за весь мир во второй части литургии – литургии верных – делается еще более дерзновенным, еще более могущественным, но именно для этого дерзновения нужно, чтобы теперь вокруг таинственного Приношения за мир оставались только посвященные в него, только те, кто и сами себя готовы принести Христу.

«Нет иного способа моления, – пишет митр. Николай Кавасила, – столь многомогущественного и подающего нам столь крепкие надежды, как сей образ страшного сего жертвоприношения», где Христос, как говорит другой учитель Церкви, – «Сам Священник, Сам и Алтарь (жертвенник. – С. Ф.), Сам Бог, Сам человек, Сам Царь, Сам и архиерей,

Сам Овча, Сам и Агнец...» (св. Елифаний)¹⁰². Или, как в молитве, читаемой священником во время пения Херувимской: «Ты бо еси приносящий и приносимый, приемлющий и раздаваемый, Христе Боже наш».

Глава 11

«Иже херувимы тайно образующе, и Животворящей Троице трисвятую песнь припевающе...» – «Мы, таинственно изображающие херувимов, и воспевающие трисвятую песнь жизнь творящей Троице, оставим теперь всякое житейское попечение, чтобы поднять Царя всех, носимого невидимо на копьях чинами ангельскими. Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя».

Начиная с этих слов совершается в храме «литургия верных», и, по существу, только до этих слов позволительно нам говорить и писать о литургии: дальше идет то, что выше нашего разума, то, чем жили и живут святые. «Говорили... об авве Маркелле Фиваидском... что... когда [он] стоял за службою, грудь его была омочена слезами. Ибо говорил, что, когда совершается служба, я вижу всю церковь как бы огненною, и, когда оканчивается служба, опять удаляется огонь»¹⁰³. Но, с другой стороны, как же не написать, когда именно начиная с Херувимской делается уже совсем иной воля Божия: чтобы мы – все мы – участвовали в Его святыне, чтобы мы достигли святости – «мы, таинственно изображающие херувимов?» «Не подобным ли изображается подобное?.. – пишет священник Павел Флоренский. – Значит, есть в каждом из нас что-то подобное Херувиму... Есть великая по своему значению херувимская сердцевина нашей души... Бог вложил в человека лучший дар Свой – образ Божий»¹⁰⁴. Святость – понятие неизреченное, но мы чувствуем, что она есть проступание из психофизической темноты человека светоносного образа Божия, его херувимской сердцевинки. Это проступание совершается благодатью, когда Бог видит труд любви и покаяния, когда Он видит, что человек ищет Его благодати, хоть и понимает, что никак и ничем не достоин ее. Все Слово Божие и все учение Церкви полно призывами к святости или раскрытием ее, а мы в течение столетий приучались к тому, что «святые» – это только на иконах, а в нашей жизни их не бывает и что все призывы к святости – это только аллегория. И святость действительно стала уходить в аллегория из жизни, не желающей ее реальности, и земля Церкви стала сохнуть, тоскуя о дожде благодати. Когда придет Сын Человеческий, найдет ли Он веру на земле? (ср.: Лк. 18:8)

Святость не есть совершенство чистоты. Ни один святой не мог считать себя чистым. Когда апостол говорил: «Христос пришел грешных спасти, из которых я первый», – он говорил совершенную правду. «Что за сумасшествие? – пишет Златоуст. – Будучи человеком, ты называешь

самого себя чистым... и убежден, что ты чист... Тысячи страстей окружают душу... и осмеливаешься сказать, что ты чист от стольких волнений?.. Скажи мне, может ли кто утверждать, что он чист в течение одного дня?.. может ли похвалиться, что он не тщеславился... не безрассудствовал, что не смотрел необузданными глазами?»¹⁰⁵.

Для святых святость не есть совершенство и тем более не осознание себя в нем, а только постоянная устремленность к нему, вернее говоря, к Богу, в покаянии и любви. «Я не почитаю себя достигшим», – говорит апостол (Флп. 3:13). – «Но стремлюсь, не достигну ли я, как достиг меня Христос Иисус» (Флп. 3:12). Устремляясь к Богу, человек пребывает в благодати. Поэтому можно сказать, что святость есть благодатность – благодатность действительная, а не по документу или по «занимаемой должности». Это венец – то получаемый, то, может быть, теряемый, то вновь обретаемый в течение жизни. «Грешников бо дотоле грешник есть, доколе грешить не перестанет, – пишет св. Тихон Задонский, – и живет в бесстрашии (греха. – С. Ф.), а когда отстанет от грехов и о грехах кается – уже Божию благодатию к числу праведных присоединяется»¹⁰⁶.

Есть две причины оскудения святости. Первая – это нежелание труда очищения души, и тут никакие разъяснения не помогут, только луч Божий может осветить узкий путь. Вторая причина – это наше невежество: мы считаем, что благодатность – это плата за нравственные труды, за добрые дела, нечто такое, чего мы достигаем по какому-то духовно-юридическому праву, и многие из нас предпочитают не верить в святость, чем приобретать ее этим коммерческим способом. Мы не знаем учения Церкви. Человек спасается по одной милости Божией, через благодать, т. е. даром, а не потому, что он совершает подвиг. Но этот подвиг (или «добрые дела») необходим для того, чтобы доказать свою волю к Богу, свою любовь к Нему, которая только и нужна Ему. В этом сочетании спасения даром и подвига тоже есть непостижимость, как и в святости; их нераздельность – одна из тайн христианства. В 5-м стихе 3-й главы Послания к Титу апостол пишет: «Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости» (Тит. 3:5), а в 8-м стихе той же самой главы мы читаем: «...дабы уверовавшие в Бога старались быть прилежными к добрым делам: это хорошо и полезно человекам» (Тит. 3:8). Все благое в нас – от благодати, и все добрые дела совершаются только через нее и благодаря ей. Но человек должен возжелать исполнения заповедей и предначать это исполнение всей волей, т. е. вложить весь свой труд и усердие, а Господь, видя эту его волю, волю к Нему, тут же посылает помощь благодати, которая и совершает дело. Наша попытка,

наше страдание или усилие совершить дело есть подвиг. Подвиг поэтому есть наше усилие поднять совершенно непосильную для нас тяжесть. Поднимает же ее благодать – помощь Божия. Без благодати ничего не совершится, но ее не даст Господь, если не увидит нашего старания, или подвига нашей любви, нашей воли, так как «любовь (есть. – С. Ф.) добродетель воли» (Николай Кавасила)¹⁰⁷. «...Всякому христианину, – пишет преп. Симеон Новый Богослов, – относительно всех добрых дел, какая делает, надлежит исповедовать, что их совершает Христос, а не он; кто же не так помышляет об этом, тот всуе есть христианин... Все скончавшиеся в святости и добродетели даром спасены, а не за... добродетели свои... Но, чтобы пришел Врач, надобно призвать Его...»¹⁰⁸.

Вот почему в одной древней литургии (Сирийской апостола Иакова) так ясно было выражено это непонятное для нас и такое естественное для того времени сплетение чувства святости и чувства смирения: «Да предстоим в страхе и трепете, смирении и святости. Вот приносится жертвенный дар, и Слава открывается. Небеса открываются, и Святой Дух нисходит на эти святые Тайны, и они проникаются Им. Мы стоим у страшного места вместе с херувимами и серафимами, мы сделали братьями и сослужителями Ангелов, вместе с ними совершаем службу огня и Духа»¹⁰⁹. Эта простота древнего отношения к святости есть результат искреннего сознания, что она обретается не за добродетели, а по милости Божией, даром.

«Святые Тайны называются Божественными Дарами... (они. – С. Ф.) подаются нам Господом совершенно даром, незаслуженно с нашей стороны» (прот. Иоанн Кронштадтский)¹¹⁰.

Преподобный Марк Подвижник пишет: «Господь, желая показать, что при всем том, что всякая заповедь обязательна, всыновление, однако ж, даровано людям Его Кровию, говорит: »...когда исполните все повеленное вам, говорите: «мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать»» (Лк. 17:10. – С. Ф.). Посему Царствие Небесное не есть возмездие (плата. – С. Ф.) за дела, но благодать Владыки, уготованная верным рабам»¹¹¹. Видя Кровь Божию, человек понимает, что только ею он спасается, только ради нее получает благодать. В литургии первых веков была такая молитва перед причастием, говорящая о простоте восприятия святости: «Помяни Господи, Церковь Твою, чтобы сохранить ее от всякого зла и усовершенить в любви Твоей. И собери ее от четырех ветров, освященною в Царствие Твое, которое Ты уготовал ей. Ибо Твоя есть сила и слава во веки! Да придет благодать и да прейдет сей мир! Осанна Богу Давидову! Если кто свят, то пусть приступает. Если же нет,

то пусть покается. Маранафа (Ей, гряди, Господи! – С. Ф.) Аминь"¹¹².

«Если кто не свят, тот пусть покается» – вот святейшая простота первохристианства, потерянная нами. Святость – это то, в чем должно быть наше стояние¹¹³ перед Богом. Мы в наше холодное время не хотим святости, боимся ее, не понимаем ее, а она есть всего только устремленность любви к Богу, и именно в разрешении для каждого из нас и для всей Церкви вопроса о святости лежит будущее и нас и Церкви. Не на международных съездах решается судьба и будущее христианства, а только в подвиге покаяния каждого и всех, в их Голгофе и воскресении, в их святости. И это опять-таки больше всего открывается в литургии, которая, по слову одного западного епископа (кардинала Монтини), есть «школа святости».

Глава 12

В промежутке между первой и второй частью Херувимской священнослужители берут приготовленные во время проскомидии на жертвеннике Святые Дары и переносят их на престол. Это [священнодействие] именуется «Великим входом» и знаменует восхождение Иисуса Христа во Иерусалим. Переносятся Дары через амвон, чтобы вся Церковь участвовала в этих проводах Господа на Голгофу. «Вот, мы восходим во Иерусалим, – сказал Он, – и совершится все, написанное через пророков о Сыне Человеческом, ибо предадут Его язычникам и поругаются над Ним, и оскорбят Его, и оплюют Его, и будут бить, и убьют Его: и в третий день воскреснет» (Лк. 18:31–33). Восходящего на смерть Господа священнослужители призывают «помянуть» в Царстве Его всю земную Его Церковь: и епископство православное, «вас, и всех православных христиан, да помянет Господь Бог во Царствии Своем...» Так разбойник, видя умирающего Господа, молился Ему: «помяни меня, Господи, когда прийдешь в Царствие Твое!» (Лк. 23:42) Через покой и свет Херувимской песни уже видна Голгофа и Христа, и Его Церкви. Так было и в земном странствии Господа. Было Его Преображение на горе Фавор – обнаружение Его божественной силы и славы, чтобы ученики Его, помня об этом на Голгофе, знали, что она, Голгофа, следствие не бессилия Его, а свободы и любви, что страдания Его – вольные. «На горе преобразился еси», – поется в праздник Преображения, – чтобы, когда «Тя узрят распинаема, страдание... уразумеют вольное, мирови же проповедят, яко Ты еси воистинну Отчее сияние». Ставя священную чашу и дискос на престол, священник произносит: «Благообразный Иосиф с древа снем пречистое Твое Тело, плащаницею (полотном. – С. Ф.) чистою обвив, и благоуханьми, во гробе нове покрыв, положи». Сейчас в алтаре – точно снятие со креста и положение во гроб Тела Христова.

Поставив чашу и дискос на престол и окалив их, священник говорит и эти слова из 50-го псалма: «Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона, и да созиждутся стены Иерусалимския». По мысли некоторых святых, это есть молитва о созидании Церкви – Сиона Божия. После этого священник говорит диакону: «Помяни мя, брате и сослужителю». Диакон отвечает: «Да помянет Господь Бог священство твое во Царствии Своем» – и тут же добавляет уже о себе: «Помолися о мне, владыко святой». Священник говорит ему: «Дух Святой найдет на тя, и сила Вышняго

осенит тя». Это слова Ангела Пресвятой Деве во время Благовещения. Диакон отвечает: «Тойже Дух да содействует нам вся дни живота нашего» – и еще раз взывает в вейнии божественного страха: «Помяни мя, владыко святыи». И священник, благословляя его, говорит: «Да помянет тя Господь Бог во Царствии Своем».

Во время следующей затем просительной ектеньи священник молится: «Господи Боже Вседержителю... прими... моление... о наших гресех и о людских неведениях и сподоби нас обрести благодать пред Тобою, еже быти Тебе благоприятней жертве нашей и вселитися духу благодати Твоея благому в нас, и на предлежащих дарех сих (хлебе и вине. – С. Ф.), и на всех людех Твоих». Ведь уже приближается время совершения Таинства. Окончив ектенью, диакон говорит: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы...», а хор, заканчивая фразу, поет: «Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздельную».

Мы должны возлюбить для того, чтобы единомысленно исповедовать веру. «Любовь есть источник веры», – говорил преп. Иоанн Лествичник. «Любовь есть корень, источник и мать всего доброго», – говорил св. Иоанн Златоуст¹¹⁴. «Все труды и подвиги, которые начала и конца своего не имеют в любви с духом сокрушенным, тщетны и бесполезны», – пишет преп. Симеон Новый Богослов¹¹⁵.

«Начала и конца»... Любовь есть не только завершение христианского пути, его венец, что подвижники называют «любовь совершенная», но и начало его – практическое начало каждого движения на нем, каждого шага и действия, молитвы и труда. В начале пути и любовь будет «начальная», но без даже самой малой любви этот путь не начнется или внутренне прервется. А многие люди и в наше время этого не понимают, спокойно пребывая в своем «келейном» правиле – во внешне понимаемом религиозном труде. Они видят в этом суть монашества, в то время как, например, первый пункт древнего монашеского устава (преп. Макария Александрийского) читается так: «Воины Христовы так должны располагать шествие свое, чтобы во всем являть совершеннейшую любовь»¹¹⁶.

Любовь – это первоисточное благо, а тем самым не-любовь – первоисточное зло. Не нарушение послушания или воздержания было исходной причиной грехопадения Адама. Это были явления уже производные. Адамово падение [состояло] в нарушении любви к Богу, пишет митр. Николай Кавасила. Для того и «Бог Слово... перешел в другую природу (вочеловечился), чтобы... человек возлюбил Бога»¹¹⁷. Не-любовь есть причина падения – первородный грех¹¹⁸. Любовь – цель

Боговоплощения и спасения людей. Об этой цели пишет преп. Максим Исповедник: Христос перенес все искушения, начиная от искушения диаволом в пустыне и кончая Голгофой, – все для того, чтобы человек пошел дорогой любви, чтобы он принял любовь как «древо жизни». «Христос, – пишет святой, – до смерти по-человечески подвизавшись за заповедь любви и одержав совершенную над диаволом победу... Такова была цель у Господа, чтоб Отцу быть послушну даже до смерти... храня заповедь любви... Сию... победу Он нам подарил... лукавым демонам всегда противоборствовать посредством любви»¹¹⁹.

Человеку в раю была дана возможность возлюбить, но он не возлюбил, так как для этого был нужен подвиг воли, «добродетель воли – любовь», а не возлюбив, не послушался и не воздержался от запрещенного древа. Его свободная воля не возжелала любви, так как любовь – это прежде всего смирение, забвение себя, а ему хотелось «быть как боги». И оказалось, что убедить эту свободную волю – выбить искру любви в окаменении человеческого сердца – это такое великое дело, что стало необходимым для совершения его сошествие Бога с неба, принятие Им человеческого тела и, что самое главное, принятие Им и человеческой воли, не сливающейся с Его волей Божественной. Эта воля и подвизалась по-человечески за заповедь любви и одержала «совершенную над диаволом победу». Эта воля и привела к Голгофе, так как знала, что только кровь Божия сможет открыть человеку любовь. «Ибо не на месте пребывая (на небе. – С. Ф.), призывает к себе раба, но Сам, низойдя, ищет его, и Богатый приходит в обиталище бедного, и... показывает любовь, и желает равной любви, и отвергающего не удаляется, и на оскорбление не гневается, и, будучи изгоняем, приседит дверям, и все делает, чтобы показать Себя любящим, и переносит мучения, и умирает» (Николай Кавасила)¹²⁰.

Священники в алтаре в эту минуту целуют сначала чашу, дискос и престол, а потом друг друга со словами: «Христос посреде нас!» – «И есть, и будет».

В древности это целование любви совершалось и всеми молящимися в храме, и каждый говорил другому: «Мир тебе». В истолковании 19-го правила Лаодикийского Собора, относящегося к данному месту литургии, Зонара пишет: «Ныне не бывает того, что относится к кающимся (о выходе их из храма перед началом литургии верных), и я не знаю, каким образом это прекратилось. Потом священники подавали мир епископам, т. е. целование; ибо целование есть знак любви, а за любовью следует мирствование. И священникам опять подавали мир миряне, чего ныне не

бывает, ибо упразднилось, как и многое другое, совершавшееся в древности»¹²¹. Зонара жил в Византии в средние века, когда еще не смущались открыто обнаружить свое удивление и сожаление по поводу исчезновения древних обычаев. Вот еще одно свидетельство о древних литургиях (конца IV века) и вместе указание на то, как мы должны и сейчас воспринимать их. «Когда опять наступает время преподания и взаимного принятия мира, – говорит Иоанн Златоуст, – все равно друг друга лобзаем. При самом также совершении страшных Тайн священник молится за народ, а народ молится за священника, потому что слова «со духом твоим» означают... именно это. И молитвы благодарения также общие, потому что не один священник приносит благодарение, но и весь народ. Получив сперва ответ от народа и потом согласие, что «достойно и праведно» совершаемое, начинает священник благодарение... это сказано мною для того, чтобы каждый и из подначальных трезвился, чтобы мы знали, что все мы едино тело... и чтобы мы не все возлагали на одних священников, но и сами пеклись о всей Церкви, как о теле всем нам общем»¹²².

По-славянски эта последняя фраза звучит сильнее: «Но и сами якоже об общем теле, о Церкви всей тако да печалуем». Кто-то сказал, что литургия совершается всем народом руками священника. В «Патерике» мы читаем: «Иной из старцев говорил, что часто, когда диакон говорил: «Возлюбим друг друга (облобызаем)», видел он Духа Святого на устах братии»¹²³. Эти «уста» надо понимать буквально. В христианстве через прикосновение¹²⁴ к святыне Божией освящается не только душа, но и тело, так как и тело человека участвует в его божественной вечности. И это освящение вечностью тела совершается через Евхаристию. «Наше же учение, – пишет св. Ириней Лионский, – согласно с Евхаристией, и Евхаристия, в свою очередь, подтверждает учение. Ибо, мы приносим Ему (Богу. – С. Ф.) то, что Его (хлеб и вино), последовательно возвещая общение и единство плоти и духа. Ибо, как хлеб от земли, после призывания над ним Бога, не есть уже обыкновенный хлеб, но Евхаристия, состоящая из двух вещей – из земного и небесного, так и тела наши, принимая Евхаристию, не суть уже тленные, имея надежду воскресения»¹²⁵. «Я получил образ Божий и не сохранил его; Он (Бог. – С. Ф.) воспринимает мою плоть, чтобы и образ спасти, и плоть обессмертить» (Св. Григорий Богослов)¹²⁶. А св. Кирилл Иерусалимский приводит древний Символ веры, в котором говорится: «...и во едину, святую, соборную Церковь, и в воскресение плоти, и в жизнь вечную»¹²⁷.

Сейчас хор должен петь «Верую», т. е. Символ, начертание

христианской веры. Но перед этим диакон говорит: «Двери, двери, премудростию вонмем». В древней Церкви словами «двери, двери» указывалось «вратарям», чтобы никто из не имеющих на это права, не присутствовал в это время в храме. Без знания Символа или изложения догматов (истин) христианства, до существу, невозможно крещение. И когда вера освещена лучами любви, тогда все слова этого Символа видятся не символическими, а живыми и простыми и действенными в сердце. Чтобы показать, что это именно так, приведу выписку не из отцов Церкви, а из мирской книги мирского человека. Он говорит о главном моменте создания догматов Церкви, о борьбе Афанасия Великого в IV веке с рационалистами за догмат единосущности Лиц Святой Троицы, за догмат о первоисточной любви, за догмат, конечно, глубоко мистический. Он пишет: «Афанасий встал против мира... сейчас (совсем. – С. Ф.) перестали (это. – С. Ф.) понимать... Люди просвещенные любят приводить как пример «догматического крохоборства»... вопрос о предвечности Сына (о единосущности Его Отцу. – С. Ф.). Те же либералы вечно приводят как пример чистого, простого христианства, не испорченного догматическими спорами, слова: «Бог есть Любовь». Но ведь это одно и то же... второе почти бессмысленно без первого (без догмата о Троице. – С. Ф.). Сухая догма – логическое выражение прекраснейшего чувства. Если безначальный Бог существует прежде всех, кого же любил Он, когда некого было любить? Если в немыслимой вечности Он был один (т. е. не было единосущных Сына и Духа. – С. Ф.), что значат слова о том, что Он – Любовь?.. Он что-то породил и созерцал порожденное Им... вся любовь, вся милость Вифлеема звучали особенно громко и чисто, когда Афанасий бросил вызов холодному компромиссу ариан. Это он сражался за Бога Любви... Это он защищал Младенца Христа от серого божества фарисеев. Он бился за ту несравненно прекрасную связь... благодаря которой Пресвятая Троица полна тепла и любви, как Святое Семейство»¹²⁸. Говоря о Трех Лицах Святой Троицы, св. Максим Исповедник указывает на их «вечное движение в любви»¹²⁹.

Только веруя в Троицу, мы веруем в любовь. После «Верую» начинается завершительная часть литургического священнодействия, а потому диакон предупреждает: «Станем добре, станем со страхом, вонмем, святое возношение в мире приносить». Страх в христианстве есть порождение веры (а не наоборот, как думают некоторые). Вера не мыслится вне любви. Значит, не может быть христианского страха вне хотя бы малейшей любви ко Господу, а тем самым и познания Его. «Начало премудрости страх Господень», – говорит Писание (Пс. 110:10).

«Но как возыметь, – пишет преп. Симеон Новый Богослов, – страх к Тому, Кого не видишь?.. надобно взыскать умного света Божия, чтоб ум, просветившись им, мог умно (духовно. – С. Ф.) узреть Бога. И вот, когда кто таким образом узрит Бога, то может возыметь и страх Божий»¹³⁰.

Вот что произносилось в древней сирийской литургии Иакова в это время: «...это час принесения жертвы умилоствления... Служители Церкви, трепещите, потому что вы раздаете живой огонь. Данная вам власть славнее власти серафимов. Блаженна в этот час всякая душа, стоящая в чистоте в церкви, потому что Святой Дух пишет ее имя и возносит на небеса. Диаконы, трепещите в этот святой час, когда нисходит Святой Дух, чтобы освятить тела тех, которые в состоянии это принять»¹³¹.

Глава 13

Литургия, как повторение Голгофы и Воскресения, есть исцеление мира, «Пасха нетления – мира спасение». В одной древней молитве это врачевание мира выражено так: «Мы вкушаем Твое Святое Тело, распятое за нас, и пьем Твою животворящую Кровь, пролитую за нас. Да будет Твое Тело источником жизни для нас, а Твоя Кровь да будет нам во оставление грехов. Ради желчи, которую ты пил за нас, избави нас от горечи врага. Принятым Тобою в питии уксусом укрепи нашу немощь. И ради заплевания, которое Ты принял за нас, дай нам вкусить Твоей совершенной жизни. И за терновый венец, полученный Тобой, дай нам получить венец неувядаемый» (из евхаристических молитв «Актв Фомы»)¹³².

Мы все получаем через благодать распятого Христа, открывшего нам тайну Святой Троицы. И следующий возглас об этом: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви (любовь) Бога и Отца, и причастие Святого Духа буди (да будет) со всеми вами». «Горе (т. е. к небу, к Божественному миру) имеем сердца». «Ищите горнего... – говорит апостол, – о горнем помышляйте» (Кол. 3:1, 2).

Возглас священника должен вырвать нас в эти последние минуты перед причастием из нашего «окамененного нечувствия», из нашей духовной глухоты. «Горе сердца» – это последний призыв к богообщению, к его страшной и неизреченной реальности. «Сей хлеб да будет для тебя и пищу, и услаждением, ненасытимыми и неистощимыми. Вино же, которое в сем Таинстве воистину есть Кровь Божия, да будет для тебя светом неизреченным, сладостию несказанною, радованием вечным» (преп. Симеон Новый Богослов)¹³³.

Но «Царство Божие внутри нас», по слову Христову (Лк. 17:21). Поэтому это «горе» мы тоже должны обретать внутри себя. Говоря как бы от имени Христова, тот же святой пишет: «Когда видишь солнце в воде, самага солнца не видишь, потому что тогда смотришь вниз: так разумей и то, что бывает в тебе; затвори себя самого и старайся всегда видеть Меня чисто и ясно внутри себя, как солнце в чистой воде»¹³⁴.

«Горе – сердца». Но, живя в благодати Церкви, мы можем с дерзновением сказать: «И к земле!», так как, по слову Златоуста, «Таинство сие землю соделывает небом» и не напрасно святые называли Церковь Царством Божиим на земле. Как сказал один человек, «христиане веруют не только в немислимое небо, но и в немислимую землю», в

святыню земли, «подножие ног Христовых». По существу, вся литургия есть моление о том, чтобы благодать Божия – небесный огонь – сошла с неба на землю. Златоуст пишет: «Священник... совершает продолжительное моление... чтобы Благодать, нисшедши на жертву, воспламенила чрез нее души всех...» («Слово о священстве»)¹³⁵.

«Благодарим Господа», возглашает священник. – «Достоинно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу...» Во время пения этих слов священник про себя читает молитву, вознося благодарение Богу: «О всех, ихже вемы (о всех, которых знаем. – С. Ф.) и ихже не вемы, явленных и неявленных благодеяниих, бывших на нас. Благодарим Тя и о службе сей (литургии. – С. Ф.), юже от рук наших прияти изволил еси, аще и (несмотря на то что. – С. Ф.) предстоят Тебе тысячи Архангелов и тьмы Ангелов...» (и далее священник произносит громко): «Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще».

«Свят, свят, свят Господь Саваоф...» – отвечает хор. «Саваоф» – это Господь небесных воинств. Трижды произносится это слово «свят», а священник во время пения хора читает молитву: «С сими и мы блаженными силами, Владыко Человеколюбче, вопием и глаголем: свят еси и пресвят, Ты, и Единородный Твой Сын, и Дух Твой Святыи. Свят еси и пресвят, и великолепна слава Твоя, Иже мир Твой тако возлюбил еси, якоже Сына Твоего Единородного дати, да всяк веруяй в Него не погибнет, но имать живот вечный. Иже пришед, и все еже о нас смотрение исполнив, в ночь, в нюже предашися, паче же (лучше сказать. – С. Ф.) Сам Себе предаше за мирский живот, прием хлеб во Святыя Своя и пречистыя и непорочныя руки, благодарив и благословив, освятив, преломив, даде святым Своим учеником и апостолом, рек (сказал. – С. Ф.)...» И дальше священник говорит громко: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов». И, указывая на чашу: «Пиите от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многая изливаемая во оставление грехов». Пейте от нее все – вот призыв Божий к людям. «Человек некий сотвори вечерю... и зва многи... грядите, яко уже готова суть вся... да наполнится дом мой» (Лк. 14:16, 17, 23). «Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь: закла своя жертвенная, и раствори в чаши своей вино, и уготова свою трапезу: посла своя рабы, созывающи с высоким проповеданием на чашу, глаголющи... приидите, ядите мой хлеб и пиите вино, еже растворих вам: оставите безумие и живи будете» (Притч. 9:1, 2, 4, 6). Ибо в «высоком проповедании» святого Таинства человек узнает, что «грехов множество не превосходит Бога моего многое долготерпение и человеколюбие крайнее. Но милостию сострастия тепле

кающийся и чистиши, и светлиши, и света твориши причастники, общники Божества Твоего (молитва ко Причащению). Бог дает человеку все, а ищет от него только любви и покаяния. «Твоя от Твоих, Тебе приносяще о всех и за вся». Твои нам дары, Господи, хлеб и вино, мы возносим сейчас к Тебе, чтобы Ты преложил их в Тело Твое и Кровь, отдаваемые за всех и за вся. «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш», – поет хор. «Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом Твоим низпославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас молящих Ти ся», – молится священнослужитель в алтаре, молится весь храм и преклоняется до земли, так как именно во время пения «Тебе поем», после особой молитвы священника над хлебом и вином, осуществляется великое Таинство пресуществления их в Тело и Кровь Христовы.

Об этой минуте литургии так пишет св. Иоанн Златоуст: «Когда священник стоит перед престолом с воздетыми к небу руками, призывая Святого Духа сойти и коснуться Святых Даров, тогда бывает великая тишина»¹³⁶.

В «Патерике» рассказывается, что один монах усомнился в истинности претворения хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. После литургии вот что он рассказывал братьям монастыря: «Когда... вышли клирики (священнослужители. – С. Ф.) из диаконника, имея Святых Тайн причастие, я видел, что опять отверзлись небеса и сходил огонь и со огнем множество святых Ангелов, и среди них другие два чудные лица, красоты которых нельзя и рассказать. И было сияние их, как молния, и среди двух лиц малый отрок. И святые Ангелы стали вокруг Святой Трапезы (престола. – С. Ф.), а два лица – над нею, и отрок – в середине их. И, когда были окончены святые молитвы и приблизились клирики раздробить хлебы причащения, я видел, что два лица стали держать младенца... и источили кровь его в потир (чашу. – С. Ф.), и, разсекши тело его, положили наверху хлебов, и сделались хлебы телом. Когда подходили братья принимать, давалось им тело, и когда зывали они, говоря: «Аминь», становилось оно хлебом в руках их. Когда и я пришел принять... услышал голос, говорящий мне: «...с верою ли примешь то, что держишь в руке твоей?» И я сказал: «Верую, Господи!» И, когда я сказал сие, тело, которое я держал в руке моей, стало хлебом, и, возблагодарив Бога, принял я святую просфору. Когда же окончилась служба... я видел опять младенца... и когда клирики потребили Святые Дары, я видел, что опять открылась кровля церкви и божественные Силы вознеслись на небеса. Услышав сие, братья (монастыря. – С. Ф.) вспомнили апостола,

говорящего: «Пасха наша за ны пожрен бысть Христос» (1Кор. 5:7), и в умилении пошли в келлии свои, прославляя... Бога»¹³⁷.

Глава 14

Священники во время «Тебе поем» так же, как и во время Херувимской, молятся с воздетыми руками. В древности, вплоть до VI-VII веков, с воздетыми руками молились в храме при разных молитвах не одни священники, но и все молящиеся. Некоторый след этой древней практики можно видеть в указании Типикона о молитве Великого поста «Господи и Владыко живота моего». Оказывается, что еще в те уже далекие от первохристианства средние века, когда составлялся Типикон, полагалось эту молитву совершать с воздетыми руками, и при этом не только священнику, но и всем мирянам¹³⁸.

Именно об этом способе моления пишет нам апостол Павел. Именно этот сильнейший способ моления образует из человека распятие, делая его всего [как бы] крестом. А это особенно нужно на литургии – и особенно в эти минуты совершения Таинства Креста. Человек страдает Владыке своему. Это – тайна любви Творца и твари, так соединенной с Творцом, как тело соединено с головой, – может ли быть изолировано их страдание? Вместе с Господом и Церковь восходит на Голгофу.

«Церковь видит в Таинстве, на жертвеннике совершаемом, – пишет блаж. Августин, – что и сама она купно приносится в том, что приносит... Церковь верующих и общество Святых приносится Богу в жертву Великим Архиереем, Который... и Самого Себя принес за нас во Своем страдании, чтобы быть нам телом... толикыя (такой. – С. Ф.) Главы, по восприятому Им образу нашего рабства»¹³⁹. Страдание или скорбь в христианстве – не самоистязание и не принятое на себя послушание или «правило», а невольное единство чувства единого Тела. «Как женщина, имеющая во чреве, знает о том ясно... так и тот, кто имеет вообразившимся в себе Христа, знает движения Его...» – говорит Симеон Новый Богослов¹⁴⁰. Вспомним еще раз образ «Знамения» Богородицы с Младенцем во чреве – Знамение Церкви. «Моя Любовь распялась», – говорит о себе св. Игнатий Богоносец¹⁴¹. "Мне мир распялся, и аз миру"¹⁴², – говорит апостол Павел. «Любовию... срспялся еси ты Распекшемуся нас ради, Павле преславне», – читаем мы в службе апостолу 29 июня ст. ст. (песнь 5-я второго канона). Это есть единство огня божественного страдания. «Кто близ меня, тот близ огня», – говорится в одном аграфе, достоверность которого как подлинных слов Христовых подтверждается тем, что он приводится не у одного древнего учителя Церкви, а у трех¹⁴³.

«Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже

возгорелся!» (Лк. 12:49).

У св. Димитрия Ростовского была такая молитва: «Любовию Твоею божественною да уязвлено будет сердце мое, о Боже мой! Да възщу день и ночь Тебе, Господа моего, да всею душею моею к Тебе присоединен буду; да жегома и палима будет душа моя божественным Твоим желанием; да присно сие имать души моей во утешение, да присно сие имать в тихое пристанище и непреложный покой»¹⁴⁴. «От бескровной Жертвы, через которую делаемся мы участниками со Христом (и. – С. Ф.) в страданиях, и в Божестве», – говорит св. Григорий Богослов¹⁴⁵.

Это соучастие – суть и каждого христианина, и всей Церкви. «Церковь, истинная Невеста Христова... во изгнании основана и чрез апостольскую и мученическую кровь в стены произведется, и в том основании страдания и скончатися (окончатися. – С. Ф.) имать» (Книга о вере)¹⁴⁶, т. е. этим соучастием в страдании и в божественной жизни своего Учителя и закончит она свой исторический путь. Любовь в человеке – это неизреченный сплав божественной радости и человеческой скорби. Вот почему христиане не боятся скорби, если она не мешает любви, вот почему «многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14:22) – в Церковь и небесную и земную. Путь к воскресению только через Голгофу. «Вера возводит на крест, нераспятый – не Христов», – пишет еп. Игнатий (Брянчанинов)¹⁴⁷. Есть в литургии то «участие в страданиях Его», о котором говорит апостол, и есть в ней апостольская устремленность. Потому-то, наверное, она так коротка и легка, как вздох. «Чашу Мою будете пить и крещением Моим будете креститься...» «Священнодействие... окончено... – пишет Николай Кавасила, – Дары освящены... великое заклание и жертвоприношение, о мире закланное, на освященной Трапезе зрится предлежащее. Ибо хлеб Господня Тела есть... самое всесвятое Владычне Тело... свидетельствовавшее при Понтийском Пилате доброе исповедание, заушенное, посаженное, оплеванное и желчь вкусившее... Жертвование же сие бывает не тогда заклаемому Агнцу, но хлебу претворяющуся в закланного (на Кресте) Агнца»¹⁴⁸. К Нему все устремление литургии – к Нему, не только закланному, но и воскресшему, и с Собою воскресившему человека. «Жертвоприношение, совершаемое на литургии, – пишет тот же толкователь, – есть не только умилолюбительное... но и благодарственное. Какие же суть причины благодарения? Святые! В них Церковь обрела искомое, получила желаемое»¹⁴⁹. В них открылась Церковь Божия, в них осуществилось дело Господне на земле – создание на земле преображенного человечества, создание на земле Царства Божия, в них «не умерла великая мысль», в них

в темноте истории создано светоносное Христово Тело, «Соборное Существо». Как поется на Пасху: «Возведи окрест очи твои, Сионе, и виждь, се бо приидоша к тебе, яко богосветлая светила, от Запада, и Севера, и моря, и Востока чада твоя, в тебе благословящая Христа во веки».

Симеон, архиепископ Солунский, пишет: «Божественную призывает (священник) на себе самага и на предлежащие дары благодать Духа, еюже (благодатию) и сии совершив (освящение) и призыванием Духа Святаго, абие видит предлежащаго Иисуса, и Того Самага истинно суца хлебом и чашею. Его бо есть: хлеб, Тело: Его же и сие: а еже в чаши, Кровь, и всемирная жертва, и общее чистилище (очищение) и живущая (животворящая) сладость: и бесконечное веселие, и Царствие Небесное, и самое воистину... Благо (предлежащее) всем на Божественной Трапезе»¹⁵⁰.

Глава 15

«Вот лежит искупительная жертва за весь мир. Да дерзаем мы теперь принести молитву за мир и Вселенскую Церковь... Да приступит священник к Богу и молит о прекращении войн и восстаний, о мире, о благословении года, о быстрейшем избавлении от всех зол, личных и общих» – такова была молитва после освящения Даров в древней Антиохийской литургии, И Симеон Солунский пишет: «...потом архиерей молится о всех с дерзновением. Дерзает убо, видя Человеколюбца и Незлобивого перед собой предлежащего и жертвуемого, и воспевает, и о всех молится, и отшедши вспоминает, наипаче же девственнорождшую Богоматерь отроковицу, свидетельствуя сим, что через сию жертву мы стали общниками святых и с ними соединились, а они, как имеющие дерзновение к Возлюбившему их и им Любимому, могут и нас Ему примирить и соединить»¹⁵¹. «Наипаче же...»¹⁵² Эти слова Симеона Солунского соответствуют возгласу священника: «Изрядно (особенно приносим Тебе эту словесную службу. – С. Ф.) о Пресвятей, Пречистой, Преблагословенней, славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии». Она – вершина человеческой святости, и, помянув всех святых, от века послуживших Богу, священник заканчивает свое таинственное воспоминание (моление, благодарение – невозможно точно определить эту «словесную службу») именем Девы и Матери. А после этого он переходит от торжествующей Церкви к Церкви воинствующей и ко всему миру. «Священнику... весь мир вверен, – говорит св. Иоанн Златоуст, – и он, всем будучи яко отец, приступает тако к Богу, моляся, да везде брани утушатся; смятения прекратятся; мир, благоденствие... даруется»¹⁵³. «Еще молим Ти ся, – читает он про себя большую молитву, – помяни, Господи, святую Твою соборную и апостольскую Церковь». И далее: «...плененныя избави, недугующия исцели, на судищи, и в рудах, и в заточениях, и в горьких работах, и всякой скорби, и нужди, и обстоянии сущих... и любящих нас, и ненавидящих... и вся люди Твоя помяни, Господи Боже наш... И ихже мы не помянухом неведением, или забвением, или множеством имен, Сам помяни, Боже... Сам всем вся буди, ведый коегождо (каждого. – С. Ф.), и прошения его, дом, и потребу его (литургия Василия Великого). В древней литургии Марка были такие слова: «Соблюди наше странствование в этой жизни до конца безмятежным и невредимым»¹⁵⁴.

В эти минуты моления Церкви о всех, во время пения «Достойно есть

яко воистинну...», и каждый из нас должен приучить себя молиться тоже за всех, начиная от своих близких, живых и умерших, любящих и не любящих нас. «Когда молишься, – пишет преп. Иоанн Кронштадтский, и пишет не для подвижников, а для мирян, для нас, – старайся молиться больше за всех, чем за себя одного... молись за всех так, как молишься за себя, – с такую же искренностью и теплотою...» И от него же остались нам такие слова: «Не ленись молиться усердно о других, по прошению их или сам собою...», «Воля Божия (в нас. – С. Ф.), которая есть любовь ко всем – и ко врагам, и святость наша»¹⁵⁵.

Свою большую молитву священник заканчивает громко поминовением епископов своей Церкви, а певчие отвечают: «И всех и вся». Что это было моление не только о православных, видно из текста той же молитвы литургии Василия Великого: «...малодушный утеши, расточения собери, прельщенные обрати и совокупи Святых Твоей соборной и апостольской Церкви...» Ответ певчих или, лучше сказать, народа: «И всех и вся» – полон глубокого смысла.

Церковь может быть только одна. «Бог один, и Христос один, и вера одна, и надежда одна, и Церковь одна» (св. Киприан Карфагенский)¹⁵⁶. Но «сокровенные связи, соединяющие земную Церковь с остальным человечеством, нам не открыты» (Хомяков)¹⁵⁷. Мы знаем только то, что они существуют, что «хотя без любви ко Христу человек не может быть спасен, но иной, никогда не слышавший о Праведном, поклоняется существу Спасителя нашего» (он же). Это знает Церковь, а поэтому и утверждая свою единственность она хранит в себе сверхисповедное сознание всех христиан, всего верующего человечества¹⁵⁸ и всего творения Божия, ожидающего от нее литургического поминовения «и всех и вся». Ведь «вся тварь совокупно стенает и мучается донныне» (Рим. 8:22). Такой строгий ревнитель Православия, как недавно умерший старец епископ Афанасий (Сахаров), считал, основываясь на мыслях митр. Московского Филарета, что можно не только дома, но и на литургии, на проскомидии, возносить моление за неправославно верующих христиан (см. его «Поминовение усопших», ч. 2)¹⁵⁹.

«И даждь нам, – возглашает священник, – единими усты и единым сердцем славить и воспевать пречестное и великолепое имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа...» Этим молением о единстве в вере и любви и заканчивается так называемый евхаристический канон – духовный центр литургии («Анафора»). «Таинство жертвы Господней, – пишет св. Киприан, – указывает на христианское единодушие, скрепленное твердою и неразделимою любовью. Ибо когда Господь называет Телом Своим хлеб,

составленный из соединения многих зерен, то тем указывает, что народ наш, которого Он принял образ, составляет одно целое; и когда Кровию Своею называет вино, выжатое из виноградных кистей и многих ягод и сдвленное в одно, то тем означает, что и стадо наше также составлено из смешения многих, скрепленных в одно»¹⁶⁰.

«Любовь... есть действие Духа», – говорит преп. Симеон Новый Богослов¹⁶¹. Поэтому-то любовь и есть сущность Церкви как Тела Христа, отдавшего Себя по любви за жизнь мира. В молитве по освящении Святых Даров литургии Василия Великого священник просит: «Нас же всех, от единого Хлеба и Чаши причащающихся, соедини друг ко другу, во единого Духа Святого причастие...» Только через благодать Святого Духа мы достигаем этой любви друг ко другу. «Благодать Божия... вдыхает в нас любовь», – говорится в постановлении одного древнего собора¹⁶². Поэтому хорошо сказал В. Лосский, что благодать – это «дыхание Божие»¹⁶³, и, когда дыхание от нас удаляется, удаляется от нас жизнь. Чтобы понять, что в Церкви даже малейшая нелюбовь лишает благодати Таинства, приведу еще один рассказ «Патерика» о служении литургии: «Когда приносили клирики (возносили на литургии. – С. Ф.) Святые Дары в Ските, нисходил как бы орел на просфору Дух Святой, и никто его не видал, кроме клириков. В один день попросил чего-то один из братии у диакона, и говорит тот ему: «Недосуг теперь». Когда же пошли они на приношение Даров, не сошло подобие орла по обычаю. И сказал пресвитер диакону: «Что это значит, что не сошел орел по обычаю?» И сказал пресвитер диакону: «Поистине или во мне есть прегрешение, или в тебе; отступи от меня немного, и, если сойдет, очевидно будет, что из-за тебя не сходил. А если нет, то ясно будет, что из-за меня не сошел». И, когда отступил диакон, тотчас сошел орел. И когда окончилась служба, сказал пресвитер диакону: «Скажи мне, что ты сделал?» Он же, объясняя ему, говорил: «Я не сознаю себя согрешившим, кроме разве того, что приходил ко мне брат и просил у меня чего-то, и я отвечал: «Мне недосуг». И говорит ему пресвитер: «Поистине ради тебя не сходил орел, потому что ты огорчил брата». И, пошедши, диакон покаялся перед братом»¹⁶⁴.

«Да соединившись союзом любви, возможем с дерзновением насладиться предлежащей Трапезой» (св. Герман Патриарх)¹⁶⁵. Благодатная любовь – содержание святости и дверь к Божественным Тайнам. Об этой единственной двери с особой настойчивостью предупреждают святые. «...Великая, страшная, ужасная Жертва (повелевает. – С. Ф.) нам приступать к ней с совершенным единомыслием и пламенной любовью... Трапеза Господня не допускает к себе враждующих

друг против друга. Да слышат это посвященные в Таинство» (св. Иоанн Златоуст)¹⁶⁶. «Если кто только по наружности, – пишет св. Ириной Лионский, – станет делать приношение (Евхаристии. – С. Ф.) чисто, правильно и законно, а в душе своей не имеет надлежащего общения к ближнему, ни страха Божия, то, имея внутри грех, он не обманет Бога»¹⁶⁷.

В древней литургии Иакова диакон при вынесении чаши говорил: «Со страхом Божиим и верою и любовью приступите»¹⁶⁸. И сейчас у нас на Преждеосвященной литургии поется: «Верою и любовью приступим». И молитвы наши перед причастием начинаются так: «Божественную же пия Кровь ко общению, перее (прежде всего. – С. Ф.) примирился ты опечалившим». В сердце перед причастием Тайн не должно быть не только зла на человека, но и «печали» на него или досады, никакого осуждения.

Вот еще один из множества рассказов «Патерика» о значении осуждения как дела нелюбви.

«Авва Исаак Фивейский пришел в киновию, увидел брата, впадшего в грех, и осудил его. Когда возвратился он в пустыню, пришел Ангел Господень, стал перед дверями келлии его и говорил: «Не пущу тебя войти». Авва умолял его, говоря: «Какая сему причина?» Ангел сказал ему в ответ: «Бог послал меня к тебе, говоря: «Спроси его, куда велит Мне бросить падшего брата?» Авва Исаак тотчас повергся на землю, говоря: «Согрешил перед Тобою, прости мне»¹⁶⁹.

Глава 16

Господь Дух Святой освятил Дары, но мы, может быть, все еще внутренне противимся своему преображению, все еще не постигаем, где мы находимся. Необходимо моление, чтобы «Человеколюбец Бог наш, приемь я (приняв их – освященные Дары. – С. Ф.) во святей и пренебесный, и мысленный Свой Жертвенник... возниспослет нам Божественную благодать и дар Святаго Духа»¹⁷⁰ – такие слова мы слышим в начале ектеньи, которая возглашается перед «Отче наш». Мы молим, чтобы совершившееся только что священнодействие просияло и в нас лучами благодати.

Молиться о благодати Святого Духа надо всегда, но особенно теперь, в эти минуты литургии. Ведь Дух Святой – «Свидетель страданий» Христовых. В древней литургии Климента была такая евхаристическая молитва: «Мы просим Тебя, Господи, чтобы Ты ниспослал Святого Своего Духа, Свидетеля страданий Господа Иисуса, на эту Жертву для того, чтобы этот хлеб пресуществился в Тело Твоего Христа и эта чаша – в Кровь Твоего Христа»¹⁷¹.

Мы получаем благодать и через таинства, и через молитву. «Дух нисходит не только тогда, когда предложены Дары, но и когда поются (священные) песни», – говорит св. Иоанн Златоуст¹⁷². «Дух дышит, где хочет», – говорит апостол¹⁷³. И мы каждый день и каждый час должны искать Его, духовно причащаться Его благодати, дышать Его дыханием. Святитель Тихон Задонский говорил, что «благодати Божией мы на каждую минуту требуем»¹⁷⁴. Как бы двоякое получение благодати – через таинства и через молитву – есть единое получение. От камня, упавшего в воду, образуется центр, и от него расходятся в тихой воде долгие круги. Через этот образ мы постигаем Таинство Тела и Крови как центр, откуда идет миру множество кругов благодати, которую мы обретаем и в молитве, и в труде, и в скорби, и в воздыхании, и в радости жизни, – обретаем везде: и в храмах, и в лесах, и в пустынях города. Но мы обретаем Его только тогда, когда верим в Таинство Тела и Крови, когда сердцем устремлены к Голгофе.

Сейчас запоют «Отче наш». Но знаем ли мы, что моление о хлебе насущном на сегодняшний день святые относили прежде всего к «Хлебу, сходящему с небес» (Ин. 6:50) – к святому причастию и к стяжанию Духа?

«Святая – святым», – возглашает священник. И народ отвечает: «Един свят, един Господь Иисус Христос». Святой Кирилл Иерусалимский так

пишет об этом месте литургии: «Святая – это подлежащие Дары, принявшие наитие Святого Духа. Святые и вы, сподобившиеся Духа Святого. Итак, «Святая – святым» приличествует. На сие вы говорите: «Един свят, един Господь Иисус Христос». Ибо поистине свят един, Кто по естеству свят. И мы святые, но не по естеству, а по причастию, подвигу и молитве»¹⁷⁵. В подвиге жизни и молитвы мы устремляемся к Господу, к причастию Его благодати, к общению с Ним в Его Святости. Ну, а если мы все же никак не принимаем идеи святости или по невежеству, или по несмирению?

«Святая, – пишет преп. Симеон Новый Богослов, – преподаются святым, как говорят и проповедают это каждодневно всем иереи, взывая велиим гласом (о, когда бы они говорили это и себе самим!)... Итак, что же? Кто не свят, то уже и недостойн? Нет, не так. Но кто не исповедует сокровенностей своего сердца, кто не показывает достойного покаяния в этом и в том, в чем согрешал в неведении, кто не бывает всегда в слезах и печали и не подымлет... подвигов... вот кто недостойн»¹⁷⁶. Недостойн причастия только тот, кто не хочет идти за Христом узким путем покаяния и любви. Только в покаянии и любви можно во внезапной тишине сердца шептать за священником, вынесшим чашу, эти слова: «Вечери Твоя тайная днесь, Сыне Божий, причастника мя приими. Не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам, яко Иуда, но яко разбойник исповедаю Тя: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

Глава 17

«...От покаяния к Тебе пришедшыя вся в лице Твоих друзей вчинил еси, един сый Благословенный всегда, ныне и в бесконечныя веки. Аминь», – читаем мы в молитвах ко причащению святых Тайн. Только покаяния истинного ждет от нас Владыка, чтобы неосужденно принять Его Тело, чтобы возвести нас на божественную высоту. Как говорится в другой молитве ко причащению: «...тепле кающияся, и чистиши, и светлиши, и света твориши причастники, общники Божества Твоего соделовай независтно, и странное и Ангелом, и человеческим мыслем, беседеши им многажды, якоже другом Твоим истинным. Сия дерзостна творят мя (дают дерзновение мне. – С. Ф.), сия вперяют мя (устремляют меня. – С. Ф.), Христе мой. И дерзая Твоим богатым к нам благодеянием, радуясь вкупе (вместе.– С. Ф.) и трепеща, огневи причащаюся трава сый (будучи травой. – С. Ф.), и странно чудо, орошаемь неопально, якоже убо купина древле неопальне горящи».

Все молитвы ко причащению полны этого непостижимого для рассудка сочетания чувств: ощущения своего крайнего ничтожества и недостойнства с видением себя в числе «друзей Божиих», себя как Неопалимой Купины. Причем это именно «видение», а не осознание и не утверждение, это чувство дается тоже как таинство «паче ума».

«Никто не должен признавать себя достойным причащения, а говорить: «Я недостойн, но верую, что освящаюсь причащением». И сие исполняется над ним, по вере его, Господом нашим Иисусом Христом, Которому слава во веки, аминь» (Варсануфий Великий)¹⁷⁷. Это сочетание смирения и высоты, этот неизреченный сплав человеческого бессилия и божественной силы обнаруживается, конечно же, не только здесь, на литургии. Здесь он только наиболее завершен.

В «Патерике» рассказывается о том, что привели к одному старцу человека, одержимого бесом. «Старец... говорит демону: «Изыди из творения Божия!» Демон сказал старцу: «Выхожу, но спрошу у тебя... и скажи мне: кто суть козлища в Евангелии и кто агнцы?» Старец сказал: «Козлища – это я, а агнцев знает Бог». И демон, услышавши, возопил гласом велиим: «Вот я исхожу по твоему смирению»...»¹⁷⁸.

Святые так ясно ощущали эту жизнесозидающую и чудотворную силу смирения, что совершенно сливали его с любовью. «Смирение – предтеча любви», – говорили они. Или: «Корень любви есть смиренномудрие»¹⁷⁹. И это понятно: если любовь есть отдача себя ради другого, забвение о себе

ради других, то кто же может забыть о себе, не смиряясь, вне искреннего смирения? Вот почему и научиться смирению труднее всего, это все равно, что научиться любви. Во время литургии неоднократно священник или диакон призывает нас к преклонению головы («Главы ваша Господеви преклоните»): казалось бы, такое маленькое дело, а сделать его не так просто, так как гордость противится при всех смиряться, причем противится искусно, так что мы, не преклоняя головы, объясняем это самим себе какой-нибудь другой причиной.

Правило перед причастием, т. е. все эти божественные молитвы святых, вводят нас в познание истинного смирения и истинного величия человека в Боге, человека как друга Божия и Бога по благодати. Нужно стараться обязательно прочитывать их перед причастием, если только, конечно, это чтение не для успокоения себя, дающее «право» на причастие, точно какой-то «входной билет» к Таинству, а для того, чтобы ими – этими молитвами – толкать двери своего сердца: да отверзается. «Бог не смотрит на лицо, ни на внешнее благочиние, ни на взывания наши, а смотрит на сердце...» (преп. Симеон Новый Богослов)¹⁸⁰.

«Главное дело, – пишет прот. Иоанн Кронштадтский, – живая вера сердца и теплота раскаяния... Некоторые поставляют все свое благополучие и исправность пред Богом в вычитывании всех положенных молитв, не обращая внимания на готовность сердца для Бога, на внутреннее исправление свое; например, многие так вычитывают правило к причащению... если сердце право стало во утробе твоей, по милости Божией, если оно готово встретить Жениха, то и слава Богу, хотя и не успел ты вычитать всех молитв»¹⁸¹. «Да не в суд или во осуждение будет мне причащение Святых Твоих Тайн, Господи, но во исцеление души и тела» – с этими словами и со скрещенными на груди руками подходят люди к чаше: в искренности ощущения этих слов и есть «готовность встретить».

В древности христиане причащались очень часто. Если они не имели возможности, например из-за гонений, быть в храме, то причащались дома, сами, от частицы Святых Даров, полученных ими ранее от священника. Еще от IV века об этом есть авторитетное свидетельство Василия Великого. В одном своем письме он пишет: «Хорошо и преползено каждый день приобщаться и принимать Святое Тело и Кровь Христову... Впрочем, мы приобщаемся четыре раза каждую неделю... А что нимало не опасно, если кто во время гонений, за отсутствием священника или служащего, бывает в необходимости принять причастие собственною своею рукою, излишним было бы это и доказывать... Ибо все

монахи, живущие в пустынях, где нет иерея, храня причастие в доме, сами себя причащают. А в Александрии и в Египте и каждый крещеный мирянин по большей части имеет причастие у себя в доме и сам собою приобщается, когда хочет. Ибо, когда иерей единожды (однажды. – С. Ф.) совершил и преподал Жертву, принявший ее как всецелую, причащаясь ежедневно, справедливо должен верить, что принимает и освящается от самого преподавшего»¹⁸².

Св. Кирилл Иерусалимский (тоже IV век) так описывает момент причащения в храме. «При пении стиха «Вкусите и видите, яко благ Господь» верные подходят к святому жертвеннику Божию и принимают Тело Христово в руки, сложив правую ладонь на левую, как бы престол для Царя, и говорят «аминь». Потом причащаются Крови Господней, также со словом «аминь»¹⁸³.

«Когда принимаешь Животворящие Тайны... – пишет прот. Иоанн Кронштадтский, – сделай на них мысленное надписание «Иисус Христос» и с этим мысленным надписанием... препроводи умственно до глубины сердца и там мысленно положи животворящего Гостя»¹⁸⁴.

Иногда во время причастия мы слышим, что священник произносит слова из таинственного явления пророку Исаяе, когда серафим коснулся его уст горящим углем: «се, прикоснуся... устнам твоим, и отъимет беззакония твоя и грехи твоя очистит» (Ис. 6:7), «Божественного угля причастимся, яко да огонь сущия в нас любви, по приятии угля горящего, грехи наши попалит» (св. Иоанн Дамаскин)¹⁸⁵.

Глава 18

После причащения всех чаша относится в алтарь, на престол, и к нам оттуда доносятся теперь пасхальные песнопения, читаемые священником: «Воскресение Христово видевше, поклонимся святому Господу Иисусу...»; «Светися, светися, новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе возсия... Ты же, Чистая, красуйся, Богородице, о возстании Рождества Твоего (т. е. Рожденного от Тебя. – С. Ф.)»; «О, Пасха велия и священнейшая Христе! О, мудросте и Слове Божий, и сило! Подавай нам истее Тебе причащаться, в невечернем дни Царствия Твоего». И среди благовеста этих пасхальных слов священник опускает в чашу, т. е. в Святую Кровь, частицы, вынутые из просфор за живых и умерших, со словами: «Отмый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Твоею честною, молитвами святых Твоих». Вынутые частицы – это люди, имена которых произносились при вынимании этих частиц, и они погружаются в Божественную Кровь, в нетленную жизнь Христову. Это «Пасха нетления» и «пир веры». В пасхальную ночь мы слышали слово Златоуста: «Все насладитесь пира веры, все примите богатство благодати!» Это и есть Церковь Тела Его, «Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины» (1Тим. 3:15).

Бог стал человеком, чтобы человек в таинстве Церкви начал свое соединение со своим Владыкой. Бог «всецело изменяет получившего Таинство (причащения. – С. Ф.)», пишет митр. Николай Кавасила, «и преобразует в собственное свойство, и персть (человеческая. – С. Ф.), приняв царский вид, бывает уже не перстью, но Телом Царя»¹⁸⁶. Причащаясь, говорит он же, мы «Самое Солнце принимаем в свои души»¹⁸⁷, «После Евхаристии нет уже ничего такого, к чему нам надо еще стремиться»¹⁸⁸. «Для того пришел Он на землю, принес Себя в жертву и умер, – пишет он же, – для того алтари и священники, и всякое очищение и все заповеди, и наставления и увещания, чтобы предложить нам сию Трапезу»¹⁸⁹.

Церковь и литургия как Церковь есть цель Домостроительства Божия. Вот почему, как сказал Иоанн Златоуст, «...для Бога Церковь вождеднее неба. Небесного тела не принял Он, а плоть Церкви принял. Небо для Церкви, а не Церковь для неба»¹⁹⁰. И в другом месте: «Ради... Церкви небо простерто... земля основана, рай насажден»¹⁹¹. Эти слова в точности повторяют св. Ермы: «...для нея (Церкви Божией. – Ред.) сотворен мир»¹⁹². После Голгофы и Воскресения Христова человек стал на большей высоте, чем был при сотворении мира, так как он теперь во Христе «возведен на

небо небес» (преп. Симеон Новый Богослов).

«Много лучше стяжал Он, нас наследствуя (как Сын Человеческий. – С. Ф.), нежели имел прежде, произведши в бытие. По творению бо вещества (Он. – С. Ф.) просто державствует над человеки, по наследию же (Своего воплощения в человечество. – С. Ф.) учинился разума и воли нашей Владыкою, что есть истинное Господство над человеки; а оное (т. е. по созданию) есть общее нам с бессловесными (творениями)... Как же по наследию учинился Он владыкою разума и воли? Это потому, что снисшедшему Ему на землю и распеншемуся и воскресшему покорили мы наш разум и волю; разум: яко познали Его, Бога истинного... произволения же: яко возлюбили Его и Владычество Его, и бремя Его с радостью... понесли» (митр. Николай Кавасила)¹⁹³.

В человеке открылась рана любви! Тем, что Христос оставил на себе голгофские раны после Воскресения, «Он показывает, что по любви к человеку любит и их, поскольку через них Он нашел погибшего и... приобрел возлюбленного» (митр. Николай Кавасила)¹⁹⁴. Цель мироздания достигнута! И каждый раз, когда, проснувшись сердцем, мы внемлем священнодействию литургии, мы это слышим и мы знаем, что человек наконец вошел в Божественную любовь.

«Всегда, и ныне и присно и во веки веков...» – возглашает священник в царских дверях, высоко подняв чашу перед народом и унося ее на жертвенник¹⁹⁵.

«И се, Аз с вами есмь во вся дни до скончания века», – сказал Господь перед своим Вознесением (Мф. 28:20). Он с нами в Церкви Тела Своего. Кончается литургия, но никогда не кончается ее таинство.

Примечания

- ¹ - Здесь и в аналогичных случаях сохранена авторская орфография. – Ред.
- ² - Св. Киприан Карфагенский. К Корнилию // Творения. Киев, 1891. Кн. 1. С. 283–284.
- ³ - Симеон Новый Богослов. Слова. М., 1890. Вып. 2. С. 100 (далее: Слова. – Ред.).
- ⁴ - Св. Василий Великий. Творения. СПб., 1911. Т. 1. С. 510.
- ⁵ - Св. Димитрий Ростовский. Четий Миней на 1 января.
- ⁶ - 2-й стих Аллилуария. – Ред.
- ⁷ - Еп. Феофан. Толкование пастырских посланий св. апостола Павла. М., 1894. С. 311.
- ⁸ - Пастырь Ерма // Писания мужей апостольских. Пер., введ. и примеч. прот. П. Преображенского. СПб., 1895. С. 166 (далее: Писания мужей апостольских. – Ред.).
- ⁹ - Архимандрит Киприан (Керн). Евхаристия. Париж, 1947. С. 231 (далее: Евхаристия. – Ред.).
- ¹⁰ - Цит. по: Черемухин П. А. Учение о Домостроительстве спасения в византийском богословии:(еп. Николай Мефонский, митр. Николай Кавасила и Никита Акоминат) // Богословские труды. 1964. № 3. С. 185 (далее: Богословские труды. – Ред.).
- ¹¹ - Там же. С. 180.
- ¹² - Св. Игнатий Богоносец. К смирянам // Писания мужей апостольских. С. 304–305.
- ¹³ - См., например: Св. Исаак Сирии // Добротолюбие. М., 1895. Т. 2. С. 651, 659. Слова о сверхъестественном как не противоестественном, приводимые далее, взяты из кн.: Хилков Д. А. Письма. СПб., 1915. Вып. 1. С. 39–41, 101, 104. Об этом же писал священник Павел Флоренский в статье «О надгробном слове о. А. Мечева» (1923) (см.: Отец Алексей Мечев. Воспоминания. Письма. Проповеди. М.: Анонс, б. г. С. 359–382. Репринт. – Ред.).
- ¹⁴ - Хилков Д. А. Указ. соч. С. 101.
- ¹⁵ - Несколько видоизмененное высказывание Д. А. Хилкова: «Божественный акт приобщения к высшей жизни и называется таинством» (Хилков Д. А. Указ, соч. С. 39. – Ред.).

- ¹⁶ - Там же.
- ¹⁷ - Прот. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. М., 1993. Ч. 2. С. 131 (далее: Моя жизнь во Христе). – Ред.
- ¹⁸ - Св. Иоанн Златоуст. Беседы на Послание к Ефессянам, 3 // Творения. СПб., 1905. Т. 11, кн. 1. С. 26.
- ¹⁹ - «Существо ея (любви. – С. Ф.) одно и для всех совершенно непостижимо, и для ангелов, и для людей, и для всякой другой твари, нам, может быть, еще неведомой» (Слова. Вып. 2. С. 5). Он же говорит, что «тварь – это тень Его [Бога] в видимом» (там же. С. 427). См. также: Св. Василий Великий. Творения. М., 1911. Т. 1. С. 6–7.
- ²⁰ - Св. Иоанн Златоуст. Похвала Максиму // Творения. СПб., 1897. Т. 3, кн. 1. С. 228–229.
- ²¹ - Св. Иоанн Златоуст. Беседы на Послание к Ефессянам, 3 // Творения. СПб., 1905. Т. 11, кн. 1. С. 26.
- ²² - Блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский. Толкование на Новый Завет. СПб., 1911. С. 640–641.
- ²³ - Св. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна, 46 // Творения. СПб., 1902. Т. 8, кн. 1. С. 304.
- ²⁴ - У святого праведного Иоанна Кронштадтского: «Я есмь лоза, вы же рождие». – Ред.
- ²⁵ - Моя жизнь во Христе. Ч. 2. С. 234, 428.
- ²⁶ - Слова. Вып. 1. С. 395–396, С. 386.
- ²⁷ - Евхаристия. С. 56.
- ²⁸ - Добротолюбие. М., 1889. Т. 3. С. 431; то же у аввы Исаяи, у Иоанна Дамаскина и других святых.
- ²⁹ - Цит. по: Дмитриевский И. Историческое, догматическое и таинственное изъяснение Божественной литургии. СПб., 1897. С. 46 (далее: Дмитриевский. – Ред.).
- ³⁰ - Ср. другой перевод в кн.: Св. Кирилл, архиепископ Иерусалимский. Творения. М., 1855. С. 341. – Ред.
- ³¹ - Св. Ириней Лионский. Против ересей. М., 1871. С. 285 (далее: Против ересей. – Ред.).
- ³² - Св. Иоанн Златоуст. Беседа на Евангелие от Иоанна, 46 // Творения. СПб., 1902. Т. 8, кн. 1. С. 304–306.
- ³³ - Евхаристия. С. 33.
- ³⁴ - Цит. по: Дмитриевский. С. 48. «Где двое или трое собрались во

Имя Христово – (там) Церковь, единение веры и любви» (Моя жизнь во Христе. Ч. 2. С. 60).

³⁵ - Макарий Великий. О любви, слово 6 // Макарий Великий. Духовные беседы, послания и слова. Сергиев Посад, 1904. С. 438 (далее: Духовные беседы. – Ред.).

³⁶ - Гоголь Н. В. Размышления о Божественной литургии // Сочинения. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1896. Т. 5. С. 319.

³⁷ - Точный текст: «В Божественной Евхаристии дана нам Голгофа в Таинстве» (прот. В. Свенцицкий. Диалоги. 2-е изд. М., 1995. С. 123. – Ред.).

³⁸ - Евхаристия. С. 44.

³⁹ - Все цитаты из древних литургий взяты из работ Н. Арсеньева: «Восточная Церковь и мистика» (Б. м., 1942, ч. 2: «О преображении мира и жизни в Евхаристии»; «О литургии и таинстве Евхаристии». (Париж), 1925. Уточненные выходные данные работ Н. Арсеньева см. ниже. Уточненный текст вышеизложенной цитаты из литургии ап. Иакова: «Ты соединил, Господи, Божество Твое с человечеством нашим, и человечество наше с Божеством Твоим; жизнь Твою со смертью нашей и смертность нашу с Твоей жизнью. Ты восприял наше (естество) и дал нам Свое» – приводится по: Арсеньев Н. Преображение мира и жизни. Нью-Йорк, 1959. С. 252 (далее: Преображение мира и жизни. – Ред.).

⁴⁰ - Св. Киприан Карфагенский. К Цецилию. С. 399.

⁴¹ - «Силы небесные предстоят с нами посреди святилища и совершают служение Телу Сына Божия, Который заклан на глазах у нас» (цит. по: Преображение мира и жизни. С. 237).

⁴² - Цит. по: Евхаристия. С. 44.

⁴³ - Точный текст: «Пронзены живоносныя ребра Тому, Кто из ребра создал помощницу праотцу нашему Адаму. Ныне Он, Жених небесный, создает Себе из ребра Своего возлюбленную невесту, нам же любезную мать, Церковь Свою святую, чтобы породить многих чад «водою и духом''' (Св. Димитрий Ростовский. Плач на погребение Христово // Творения. СПб., 1910. Кн. 2. С. 150).

⁴⁴ - Крестовоскресный канон 3-го гласа, 8-я песнь, 1-й тропарь. – Ред.

⁴⁵ - Против ересей. С. 580.

⁴⁶ - Св. Киприан Карфагенский. К Цецилию // Творения. С. 396–397.

⁴⁷ - Моя жизнь во Христе. Ч. 2. С. 194, 206.

⁴⁸ - Точное местоположение цитаты не определено. По поводу

- соборности литургии см.: Евхаристия. С. 26–27, 206, 304, 321 и др. – Ред.
- ⁴⁹ - Св. Василий Великий. Творения. С. 179.
- ⁵⁰ - Слова. Вып. 1. С. 389–392, 399.
- ⁵¹ - Св. Исаак Сирии. Слова подвижнические. Сергиев Посад, 1911. С. 160.
- ⁵² - Древний Патерик, изложенный по главам. М., 1899. С. 319 (далее: Древний Патерик. – Ред.)
- ⁵³ - Цит. по: Дмитриевский. С. 186.
- ⁵⁴ - Св. Игнатий Богоносец. К Ефесянам // Писания мужей апостольских. С. 276.
- ⁵⁵ - Древний Патерик. С. 215–216.
- ⁵⁶ - Георгий Задонский. Письма. 4-е изд. Воронеж, 1860. Ч. 3. С. 612.
- ⁵⁷ - Слова. Вып. 2. С. 471–472. Там же. Вып. 1. С. 172.
- ⁵⁸ - Епископ Феофан. Толкование Послания св. апостола Павла к Ефесянам. М., 1893. С. 38.
- ⁵⁹ - Арсеньев Н. О литургии и таинстве Евхаристии. Париж, YMCA-Press, 1928. С. 26.
- ⁶⁰ - Моя жизнь во Христе. Ч. 2. С. 56–57.
- ⁶¹ - Св. Иоанн Златоуст. Творения. СПб., 1906. Т. 12, кн. 3. С. 1328.
- ⁶² - По-видимому, описка. Вместо «возгласов» следовало бы «возгласений», или «прошений». – Ред.
- ⁶³ - Точный текст: «Мы... простирая свободно руки... от сердца, – мы простим у Бога императорам долгоденствия, мирного царствования, безопасности их дома, храбрости воинства, верности Сената» (Тертуллиан. Апология // Творения. СПб., 1847. Ч. 1. С. 68–69. – Ред.).
- ⁶⁴ - Цит по: Дмитриевский. С. 190.
- ⁶⁵ - Епископ Афанасий (Сахаров). О поминовении усопших по уставу Православной Церкви: СПб., 1995. С. 189 (далее: О поминовении усопших. – Ред.).
- ⁶⁶ - Св. Димитрий Ростовский. Апология // Творения. СПб., 1910. Кн. 1. С. 115.
- ⁶⁷ - В оригинале: «восхваления Божия»; по-видимому, описка. – Ред.
- ⁶⁸ - Писания мужей апостольских. С. 192–194, 186.
- ⁶⁹ - Слова. Вып. 2. С. 311.
- ⁷⁰ - Добротолюбие. М.(1889. Т. 3. С. 41.
- ⁷¹ - Ср.: Служебник. М.: Донской монастырь, 1991. Ч. 2. С. 593. – Ред.

- ⁷² - Там же. С. 592.
- ⁷³ - Там же. С. 595.
- ⁷⁴ - «Дух Святой сказал отцам нашим через пророка Исаяю: »...слухом услышите, и не уразумеете, и очами смотреть будете, и не увидите» (Деян. 28, 25–26).
- ⁷⁵ - Добротолубие. М., 1895. Т. 2. С. 747.
- ⁷⁶ - Слова. Вып. 1. С. 342–343.
- ⁷⁷ - Духовные беседы. С. 438.
- ⁷⁸ - Источник цитаты не установлен. Близкий по смыслу фрагмент см.: Дмитриевский. С. 85, примеч. 222. – Ред.
- ⁷⁹ - Древний Патерик. С. 338.
- ⁸⁰ - Евхаристия. С. 165–166.
- ⁸¹ - См.: Православная богословская энциклопедия Под. ред. А. П. Лопухина. Пг., 1901. Т. 2. С. 978.
- ⁸² - Точный текст: «Слово Аллилуйя, кроме буквального знаменования хвалите Господа, составляет еще некоторый род радостного восклицания, взаимного приглашения или припева и хвалебного торжества...» (цит. по: Дмитриевский. С. 234).
- ⁸³ - Писания мужей апостольских. С. 234.
- ⁸⁴ - Там же.
- ⁸⁵ - В синодальном переводе: «Имя Господа – крепкая башня». – Ред .
- ⁸⁶ - Добротолубие. М., 1889. Т. 3. С. 398.
- ⁸⁷ - Это суждение представляется спорным. Ср.: Прот. А. Шмеман. Евхаристия. Таинство Церкви. М., 1992. С. 99–100. – Ред .
- ⁸⁸ - Св. Иоанн Златоуст. Беседы на 1-е послание к Коринфянам, 36 // Творения. Т. 10, кн. 1. С. 372.
- ⁸⁹ - Голубцов А. П., проф. Литургия Василия Великого и Иоанна Златоуста // Из чтений по церковной археологии и литургике. Сергиев Посад, 1918. Ч. 2. С. 92–93.
- ⁹⁰ - Св. Игнатий Богоносец. К Филадельфийцам // Писания мужей апостольских. С. 300.
- ⁹¹ - Св. Игнатий Богоносец. К Магnezийцам // Там же. С. 284.
- ⁹² - Точный текст: «...Утвердите себя взаимно в вере, которая есть плоть Господа, и в любви, которая есть кровь Иисуса Христа» (Св. Игнатий Богоносец. К Траллийцам // Там же. С. 288).
- ⁹³ - Точный текст: «...Будем жить достойно Главы нашей...

как сотелесники и соучастники и сонаследники Его (Христа. – С. Ф.)... Оскверняющий тело уже не член Христов, злопамятствующий... другою какою-либо страстью обладаемый не член Христов и потому недостоин причащаться Святых Тайн» (преп. Феодор Студит. Малое оглашение // Творения. СПб., 1907. Т. 1. С. 246).

⁹⁴ - Слова. Вып. 1. С. 277–278.

⁹⁵ - Там же. Вып. 2. С. 335.

⁹⁶ - Точный текст: «...внесенная в растворение Святого Потира напояется тогда животворящею Кровию: почему и душе той, за которую принесена бывает, ниспосылает благодать; тогда совершается духовное соединение человека с Богом. Если душа благочестива, или хотя по слабости и в грех падает, но потом покаянием очищается: такое невидимо приемлет общение Духа Святаго: часто же и телесной сподобляется пользы, это свидетельствует многократно опыт. Ежели же кто будучи предан греху, и от него отступить не хочет, такой, как недостойный общения с Богом, горшее осуждение себе приемлет от принесенной за него жертвы. Поэтому священник внимательно должен наблюдать, чтобы не принимать приношений и не возносить жертв за таких людей, которые, изгнав из сердца своего стыд и совесть, предаются всякому беззаконию; за это и сам священник подвергается вместе с ними осуждению. От сего-то приключаются человеку и многоразличные искушения и скорби. «Сего ради, – вопиет Павел, – в вас мнози немощни и недужливи, и спят доволни» (цит. по: Дмитриевский. С. 422–423).

⁹⁷ - Ср. в молитве перед св. Чашей: «Да не в суд или во осуждение будет мне причащение Святых Твоих Тайн». – Ред .

⁹⁸ - Добротолубие. М., 1889. Т. 3. С. 375.

⁹⁹ - Там же. С. 418–437.

¹⁰⁰ - Св. Димитрий Ростовский. Таинство святейшей Евхаристии // Творения. 1910. Кн. 1. С. 85.

¹⁰¹ - Цит по: Дмитриевский. С. 256.

¹⁰² - Древний Патерик. С. 348.

¹⁰³ - Священник Павел Флоренский. Радость навеки. Сергиев Посад, 1907. С. 4–5.

¹⁰⁴ - Св. Иоанн Златоуст. Беседа против кафаров // Творения. СПб., 1906. Т. 12, кн. 1. С. 319.

¹⁰⁵ - Георгий Задонский. Указ. соч. С. 577. (Смысл первой части приведенной цитаты – «грешников бо... не престанет» – в контексте всего

высказывания св. Тихона таков: «Потому говорим мы о них: «И грешников слушает Бог», что грешник будет грешником до тех пор, пока не перестанет грешить». – Ред .).

¹⁰⁶ - Цит. по: Богословские труды. С. 166.

¹⁰⁷ - Слова. Вып. 1. С. 49, 65. Вып. 2. С. 65.

¹⁰⁸ - Арсеньев Н. Преображение мира и жизни в христианской мистике Востока и Запада // *Elpis. Warszawa*. 1934. № 2. С. 93 (текст значительно видоизменен С. И. Фуделем. – Ред.).

¹⁰⁹ - Моя жизнь во Христе. Ч. 2. С. 167.

¹¹⁰ - Добротолубие. М., 1905. Т. 1. С. 538.

¹¹¹ - Близкий к приведенному тексту перевод см. в кн.: Раннехристианские церковные писатели. М.: Интербук, 1990. С. 12. – Ред.

¹¹² - В оригинале, по-видимому, ошибка: «состояние». – Ред .

¹¹³ - Св. Иоанн Златоуст. Беседа на Пятидесятницу, 2 // Творения. СПб., 1899. Т. 2, кн. 1. С. 519.

¹¹⁴ - Слова. Вып. 2. С. 8.

¹¹⁵ - Древние иноческие уставы. М., 1892. С. 205.

¹¹⁶ - Цит. по: Богословские труды. С. 169.

¹¹⁷ - Смысл фразы не вполне ясен. Вероятно, следовало бы: «Не-любовь,

¹¹⁸ - первородный грех, есть причина падения». – Ред .

¹¹⁹ - Добротолубие. М., 1900. Т. 3. С. 140–142.

¹²⁰ - Цит. по: Богословские труды. С. 171.

¹²¹ - Правила святых поместных соборов с толкованиями. М., 1880. Вып. 1. С. 230.

¹²² - Св. Иоанн Златоуст. Беседа на 2-е Послание апостола Павла к Коринфянам, 18 // Творения. Т. 10, кн. 2. С. 632–633.

¹²³ - Древний Патерик. С. 355.

¹²⁴ - В оригинале: «соприкосновение». – Ред .

¹²⁵ - Против ересей. С. 468–469.

¹²⁶ - Св. Григорий Богослов. Творения. М., 1889. Ч. 3. С. 202.

¹²⁷ - Св. Кирилл Иерусалимский. 18-е Огласительное слово // Творения. М., 1855. С. 325.

¹²⁸ - Честертон Г. К. Вечный человек. М: Политиздат, 1991. С. 236.

¹²⁹ - Данная цитата приводится в кн.: Лосский В. П. Очерк мистического богословия: Догматическое богословие. М., 1991. С. 48. –

Ред .

¹³⁰ - Слова. Вып. 1. С. 322.

¹³¹ - Точный текст: «Час, когда жертва умилоствления приносится, и грехи бегут от лица ее. Служители Церкви, трепещите, ибо огонь живой раздаете вы. Власть, данная вам, превосходит мощь серафимов. Блаженна душа, которая ныне в чистоте предстоит в церкви, ибо Дух Святой пишет имя ее и возносит на небеса. Диаконы, стойте с трепетом в это время святое, когда Дух Святой нисходит для освящения телес тех, что воспринимают Святая сия» (цит. по: Преображение мира и жизни. С. 237).

¹³² - Точный текст: «Тело Твое святое, которое было распято ради нас, вкушаем и Твою животворящую Кровь, которая пролита была ради нас, мы пьем. Да будет Тело Твое нам в жизнь и Кровь Твоя во оставление грехов. За желчь, которую Ты выпил ради нас, да отойдет от нас горечь врага нашего. И за вкушение Тобой уксуса ради нас да будет подкреплена наша немощь. И ради оплевания, которое Ты получил, да получим мы Твою совершенную жизнь. И как Ты получил ради нас терновый венец, то да получим мы от Тебя венец, который не ветшает» (там же. С. 236).

¹³³ - Слова. Вып. 1. С. 340.

¹³⁴ - Там же. Вып. 2. С. 501.

¹³⁵ - Св. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 1, кн. 2. С. 425.

¹³⁶ - Цит. по: Евхаристия. С. 241. Молитва об освящении даров Святым Духом называется «молитвой эпиклезы» или просто «эпиклезой» – от греческого слова «эпиклесис», означающего «призывание» (Святого Духа). Архимандрит Киприан пишет: «Католическая церковь учит, что молитвы призывания не нужно. Священник, по их учению, является совершителем Таинства, «minister sacramenti»; он, как «vice Christus», обладает полнотою благодати, как и Сам Христос; и, как Христу... нет необходимости призывать нераздельного от Него Святого Духа, так и Его заместителю, полномочному совершителю Таинства, это призывание также не необходимо» (Евхаристия. С. 239–240). Католические книги, говорившие о допустимости или желательности эпиклезы, зачислялись в Индекс запрещенных книг (там же. С. 250). Принятие этого католического мнения об обязательности совершения Таинства только потому, что его совершает «вице-Христос», т. е. «законный священник», очень опасно. А что, если этот «вице-Христос» просто неверующий? Мы тогда превращаем совершение Таинства в кощунственный парадокс, в какую-то страшную магию. С другой стороны, в это же самое искажение мы можем впасть и преувеличивая значение призывания. Архимандрит Киприан пишет:

«Всознании святых отцов весь Евхаристический канон, и даже больше – вся литургия, а не только одна фраза, одно слово имеет «тайносовершительный характер» (там же. С. 152). И еще: «...Таинство совершается не одними словами установления и не силою их, а всем контекстом евхаристической молитвы и силою, действием и благодатью Святого Духа» (там же. С. 229), который и призывается в молитве эпиклезы не только священником, но и всеми сослужащими ему верующими. Мы должны призывать, но совершение Таинства должны относить не за счет призывания, так же как не за счет «вице-Христа», а только за счет милосердия Божия, всегда отвечающего на веру и любовь Своих учеников. Если есть вера и любовь, то они сильнее всего выразятся в молитве призывания. Литургия – не магия, а Голгофа веры и любви, и только в ней совершается Таинство.

¹³⁷ - Древний Патерик. С. 338–339.

¹³⁸ - Типикон. Л. 351 об. «О поклоне и молитвах, церковное законоположение»: «Егда время приближи-тися святым великим поклонам быти, тогда, кийждо (каждый. – С. Ф.) воздев руце... тако молится молитвою святаго Ефрема».

¹³⁹ - Цит по: Дмитриевский. С. 298.

¹⁴⁰ - Слова. Вып. 2. С. 59.

¹⁴¹ - Св. Игнатий Богоносец. К Римлянам // Писания мужей апостольских. С. 294.

¹⁴² - Точный текст послания: «А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира» (Гал. 6, 14). – Ред.

¹⁴³ - У Оригена в Толковании на Иеремию, 20, 8; у Дидима в Толковании на Пс. 78 и в Евангелии от Фомы. (Указанный текст см. в кн.: Resch A. Agrapha. Ausserkanonische Fragmente. Leipzig, 1889. S. 98 – и в статье: Трофимова М. К. Из рукописей Наг-Хаммади // Античность и современность. М.: Наука, 1972, С. 377. (На наш взгляд, вряд ли можно считать обоснованным причисление неизвестного составителя гностического по духу «Евангелия от Фомы» к «учителям Церкви». – Ред.)

¹⁴⁴ - Цит. по: Георгий Задонский. Письма. 4-е изд. Воронеж. 1860. Ч. 3. С. 506.

¹⁴⁵ - Св. Григорий Богослов. Творения. СПб., б. г. Т. 1. С. 84.

¹⁴⁶ - О Церкви и таинствах: Сборник. М.: Изд. Св. Синода, 1884. Л. 18.

¹⁴⁷ - Епископ Игнатий (Брянчанинов). Письма. СПб. 1913. С. 5.

¹⁴⁸ - Цит. по: Дмитриевский. С. 306.

¹⁴⁹ - Там же. С. 312–313.

¹⁵⁰ - Цит. по: Дмитриевский. С. 412–413 (пояснения в круглых скобках принадлежат составителю. – Ред.).

¹⁵¹ - Цит. по: Дмитриевский. С. 413. Точный текст: «Тем же о всех иерарх дерзновенно молится. Дерзает убо, Человеколюбца и незлобивого зря предлежаща, и жертвуема, и воспеваает, и о всех молится, и отшед-шия воспоминает. Изрядно же, Сего девственно рожд-шую Богоматерь, отроковицу, свидетельствуя сим, како святым соединихомся, и жертвою сею общницы есмы оным: и яко дерзновение сии к Возлюбльиему и Любимому имуще, могут и нас Ему примирить и соединить». – Ред.)

¹⁵² - Именно так (а не «Наипаче же...») сказано в вышеприведенном отрывке славянского перевода сочинения Симеона. – Ред.

¹⁵³ - Цит. по: Дмитриевский. С. 319.

¹⁵⁴ - Точный текст: «...наше странствование в жизни сей сохрани, Господи, до конца безвредным и безбурным» (цит. по: Преображение мира и жизни. С. 249).

¹⁵⁵ - Моя жизнь во Христе. Ч. 2. С. 139, 170, 64.

¹⁵⁶ - Св. Киприан Карфагенский. К Помпею // Творения. Ч. 1. С. 359.

¹⁵⁷ - Хомяков А. С. Сущность западного христианства: несколько слов православным христианам о западных вероисповеданиях: По поводу брошюры г. Лоранса. [Монреаль], 1974. С. 180. – Ред.

¹⁵⁸ - По поводу этого утверждения необходимо заметить, что Церковь за всю ее двухтысячелетнюю историю нигде не запечатлела того «сверхисповедного сознания», о котором говорит С. И. Фудель и которое объединяет, по его мысли (и в духе современных экуменических теорий), не только христиан всех конфессий, но и «все верующее человечество» (т. е. всех, кто веровал в кого или во что бы то ни было). В самом деле, Церковь, исповедующая себя «единой» и «соборной» (вселенской, кафолической, т. е. действующей во всем и через все) и имеющая вселенскую миссию, молится о «вселенной», «о мире всего мира», «о всех людях», «о соединении всех» в одном церковном теле. Именно в этом смысле нужно понимать вышеприведенные слова св. Димитрия Ростовского о Евхаристии, совершаемой не только за всех верующих, но и за «неверных, чтобы они обратились», равно как и слова самого С. И. Фуделя о «всяком творении Божиим, ожидающем от нее (Церкви. – Ред.) литургического поминовения». С другой стороны, к Священное Писание, и

Священное Предание от начала Церкви противопоставляют ее не только «внешним» (т. е. никогда не принадлежавшим к ней иудеям и язычникам), но и «прельщенным» (т. е. отпавшим в ереси и расколы бывшим «верным»); молясь о просвещении и возвращении их в свое лоно, она в то же время недвусмысленно возбраняет своим членам молитвенное и, следовательно, литургическое общение с ними, непреложным условием которого выставляет единство веры (см.: Тит. 3, 10; Рим. 16, 17; 2Ин. 1, 10–11; 2Фес. 3, 6; Правила святых апостолов 10, 45, 46). Такое отношение древней Церкви к отпавшим в полной мере сохраняет значение нормы и в применении ко всем западным «деноминациям» позднейшего происхождения, ибо для православного сознания все они не что иное, как цепь последовательных отпадений от церковной полноты. По словам архим. Иустина (Поповича), «разделений Церкви никогда не было и не может быть, а были и будут только отпадения от Церкви» (архим. Иустин Попович. Православная Церковь и экуменизм: Сокр. пер. с сербск. Машинопись). – Ред .).

¹⁵⁹ - О поминовении усопших. С. 190–193. По той же причине трудно согласиться и с авторским истолкованием суждений недавно канонизированного святителя Филарета Московского и епископа Афанасия Сахарова о возможности поминовения инославных за проскомидией. Вот мнение св. Филарета (Дроздова): «Зная некоторых лютеран, имевших уважение и веру к Православной Церкви, но скончавшихся вне соединения с нею, в утешение присных верных я позволял о них молитву, не открытую в Церкви (здесь и далее разрядка наша. – Ред.), с которой они открыто не соединились в жизни, а поминовение на проскомидии и панихиды в доме» (указ. соч. С. 191). На основании данного отрывка можно предположить, что речь идет не о собственно проскомидийном, а всего лишь о совершаемом во время проскомидии «негласном» поминовении (не случайно поставленном здесь в один ряд с поминовением на «панихидах в доме», отправляемых как бы «келейно»), которое дает священнослужителю, по мысли св. Филарета, возможность помянуть по ходу наиглавнейшего богослужения Церкви лично известных ему своим благочестием инославных (каковым был, например, для самого святителя и для многих его современников знаменитый доктор Гааз) и является, так сказать, максимально допустимым «расширением» келейной молитвы о них. Примечательно, на наш взгляд, что здесь ничего не сказано о принесении частиц, составляющем главный смысл поминовения на проскомидии. Великий богослов и тонкий знаток православного литургического предания – св.

Филарет не мог не знать свидетельств святых отцов и учителей Церкви, видевших в приношении за живых и усопших одно из свидетельств их пребывания в евхаристическом общении (и, следовательно, вероисповедном единстве) со всеми остальными членами церковного тела и прямо возбранявших такое приношение за чуждых Церкви (см. приведенные у Дмитриевского многочисленные цитаты из св. Дионисия Ареопагита, блаженного Августина, св. Иоанна Златоуста, св. Епифания Кипрского, св. Симеона Солунского и св. Николая Кавасилы – с. 170–172, 315, 345, 406); запрещение принимать жертвы за неправославно мыслящих в наиболее категорической форме выражает 46-е Апостольское правило: «Епископа или пресвитера, приявших крещение или жертву еретиков, извергати повелеваем. Кое бо согласие Христови с Велиаром; или кая часть верному с неверным?» (Книга правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец. М.: Синод, типография, 1893. С. 20). В свете мнения св. Филарета достаточно (хотя и не окончательно) ясной представляется и точка зрения Владыки Афанасия (Сахарова). «Самое же главное, – пишет он, – в практическом разрешении вопроса о молитве за неправославных – это то, чтобы православные, желающие по тем или иным побуждениям помолиться о своих близких, хотя и не единоверных, совершали это доброе дело с чувством смирения, преданности воле Божией, послушания Святой Церкви. Для православных неестественно обращать молитву в демонстрацию безразличного отношения к вопросам веры. А христианская любовь, побуждающая к молитве о заблудших братьях, найдет способ удовлетворить свою потребность без нарушения правил церковных как на молитве домашней, келейно, так даже и при общественном богослужении в храме, только без публичного оказательства, совершая поминовение их, когда вообще совершается поминовение усопших, не гласно, а «про себя», соответственно указанию преп. Феодора Студита, поминая их на проскомидии, руководствуясь авторитетным разрешением митр. Филарета» (его же. Указ. соч. С. 193). Заключительный вывод Владыки Афанасия звучит, впрочем, несколько неожиданно: «Если же имена усопших неправославных могут быть произносимы на одном из важнейших поминовений – на проскомидии, то, значит, они могут быть вносимы в помянники и возглашаемы наряду с другими именами, но при условии не выделять их из ряда других, не обращать на них особое внимание богомольцев, не совершать только ради них одних православных чинопоследований» (там же. С. 193). Это суждение кажется нам противоречивым. Ведь если допустить, что литургическое приношение за

инославных возможно в принципе и по самому существу проскомидии, то нет причин опасаться какого бы то ни было «публичного оказательства», и имена инославных следует возглашать без всякого смущения наравне с прочими, ибо «возглашение» здесь, помимо всего остального, является как бы знаком каноничности такого приношения. Если же это приношение канонически недопустимо, то теряет смысл и становится неоправданным и «возглашение» – даже закамуфлированное множеством других имен. Что касается внесения имен инославных в личные помянники (т. е. предназначенные преимущественно для домашнего употребления), то это, по-видимому, остается частным делом богомольцев; но, когда те же помянники передают в алтарь для поминовения за проскомидией, «смещение» имен может стать источником канонических нарушений. Некоторая противоречивость приведенного суждения еп. Афанасия уравнивается, как мы думаем, другими, вполне однозначными его замечаниями. Например, следующим: «Церковь, не отрицая возможности молитв за неправославных, не может допустить торжественного их чествования. Поэтому-то, например, и преп. Феодор Студит, не допуская открытого моления об еретиках, позволяет православным их сродникам молиться о них «в душе своей» (там же. С. 191). И еще: Употреблять церковные молитвословия при поминовении неправославных, безусловно, невозможно» (там же. С. 192). – Ред .

¹⁶⁰ - Св. Киприан Карфагенский. К Магну // Творения. Киев, 1891. Т. 1. С. 364.

¹⁶¹ - Симеон Новый Богослов. Гимны. Сергиев Посад, 1917. С. 220.

¹⁶² - 125-е правило Карфагенского собора // Книга правил... С. 233.

¹⁶³ - См.: Лосский В. Н. Указ. соч. С. 90.

¹⁶⁴ - Древний Патерик. С. 354.

¹⁶⁵ - Источник цитаты не установлен. – Ред.

¹⁶⁶ - Св. Иоанн Златоуст. Беседа на 1-е Послание к Римлянам // Творения. СПб., 1904. Т. 10, кн. 1. С. 240; Толкование на Евангелие от Матфея // Творения. Т. 7. С. 184.

¹⁶⁷ - Против ересей. С. 165–466.

¹⁶⁸ - Цит. по: Дмитриевский. С. 348, примеч. б.

¹⁶⁹ - Древний Патерик. С. 144.

¹⁷⁰ - Божественная литургия св. Иоанна Златоуста. Ектения просительная.

¹⁷¹ - Арсеньев Н. Преображение мира и жизни. С. 88. (Текст цитаты

значительно расходится с источником. – Ред .).

¹⁷² - Св. Иоанн Златоуст. Беседа на послание апостола Павла к Ефесянам, 3 // Творения. СПб., 1905. Т. 11, кн. 1. С. 31.

¹⁷³ - Ошибка: это слова Спасителя (Ин. 3, 8). – Ред .

¹⁷⁴ - «К... всякому благодать приходит» (св. Тихон Задонский. Сокровище духовное, от мира собираемое. СПб., 1903. Т. 2. С. 136).

¹⁷⁵ - Точный текст: «Святая суть подлежащая, нашествие Святаго Духа приемшая; святы и вы, Святаго Духа удостоившиеся. Потом вы глаголете: Един Свят, един Господь, Иисус Христос. Воистину бо един Свят, существом Снятый, вы же аще и святы, но не существом, а причастием, подвигом и молитвою» (цит. по: Дмитриевский. С. 334, примеч. б.).

¹⁷⁶ - Слова. Вып. 2. С. 275.

¹⁷⁷ - Преп. Варсануфий Великий и Иоанн. Руководство к духовной жизни. М., 1905. С. 3

¹⁷⁸ - Древний Патерик. С. 293.

¹⁷⁹ - Слова. Вып. 1. С. 184–185.

¹⁸⁰ - Там же. Вып. 2. С. 261.

¹⁸¹ - Моя жизнь во Христе. Ч. 2. С. 417–416.

¹⁸² - Цит. по: Древние иноческие уставы. М., 1892. С. 327–328.

¹⁸³ - Указанный текст представляет собой свободный пересказ архим. Киприаном фрагмента 5-го Тайноводственного слова св. Кирилла Иерусалимского, 20–22 (см.: Евхаристия. С. 71). – Ред .

¹⁸⁴ - Моя жизнь во Христе. Ч. 2. С. 319.

¹⁸⁵ - Цит. по: Дмитриевский. С. 345.

¹⁸⁶ - Цит. по: Богословские труды. С. 179.

¹⁸⁷ - Там же. С. 180.

¹⁸⁸ - Там же. С. 179.

¹⁸⁹ - Там же. с. 180.

¹⁹⁰ - Св. Иоанн Златоуст. Беседа перед отправлением в ссылку // Творения. СПб., 1897. Т. 3, кн. 2. С. 445.

¹⁹¹ - Точный текст: «Ради этой Церкви утверждено небо... основана земля, насажден рай» (Св. Иоанн Златоуст. Слова на Пятидесятницу, 1 // Творения. СПб., 1897. Т. 3, кн. 2. С. 866).

¹⁹² - Писания мужей апостольских. С. 166.

¹⁹³ - Цит. по: Дмитриевский. С. 351. Эту мысль высказывают многие

святые отцы, например св. Григорий Богослов (Творения. М., 1889. Ч. 3. С. 203), Симеон Новый Богослов (Слова. Вып. 2. С. 149).

¹⁹⁴ - Цит. по: Богословские труды. С. 172.

¹⁹⁵ - Завершающая молитва литургии называется «заамвонной». «С миром изыдем (выйдем. – С. Ф.), – возглашает священник и читает, – благословляли благословящая Тя, Господи, и освящали на Тя уповающая, спаси люди Твоя и благослови достояние Твое; исполнение Церкви Твоея сохрани, освяти любящих благолепие Дому Твоего». Дом Его – Церковь. Литургия заканчивается молением о Церкви. В Послании к Ефессянам мы читаем слова апостола о Церкви, «которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем» (Еф. 1, 23). По-славянски это будет так: «Исполнение Исполняющего всяческая во всех», «Исполнение Церкви Твоея сохрани...» Последняя молитва литургии о том, чтобы та «полнота», или «исполнение» Христа в Церкви, которая Им уже достигнута по Его любви, и в нас непреткновенно осуществлялась, во все большую «полноту Наполняющего все во всем». Говоря словами преп. Симеона Нового Богослова, это молитва о том, чтобы «совершилась полнота Тела Христова (т. е. Церкви. – С. Ф.), приняв в себя всех предопределенных от Бога быть сообразными образу Сына Его...» И сие да будет! Богу же нашему Иисусу Христу слава за все. Аминь.

Содержание

Фудель Сергей Иосифович Записки о Литургии и Церкви Сергей Иосифович Фудель	1
Предисловие	2
Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	37
Глава 12	41
Глава 13	47
Глава 14	51
Глава 15	54
Глава 16	58
Глава 17	60
Глава 18	63
Примечания	65